

Талка
на **ВЫСОТЕ**

СВЕТЛАНА ЧЕРЕМУХИНА

Аннотация

«Фэйсом об тэйбл» — это про нее. Но не стоит полагать, что она смиренно примет все удары судьбы. Она не из тех, кто, упав, там и останется, но, шагнув в окно, расправит крылья и взмлет вверх, на высоту. Курица не птица? И галка тоже? Она вам покажет! Впрочем, ей не важно, что вы обо всем этом думаете: ее ведут звезды.

Ни один удар судьбы не заставит ее ползать. Она всегда будет на высоте.

Светлана Черемухина

ГАЛКА НА ВЫСОТЕ

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1. Все паршиво

— Сорокина, что ты себе позволяешь?! Совсем сдурела? — мужской голос так и пышет злобой. — Ты о чем вообще думаешь, и чем? Ты понимаешь, какие последствия повлечет твой поступок? — угроза в голосе дает мне понять, что эти самые последствия будут для меня весьма плачевны.

Мне бы испугаться, что в скором времени на мою бедную голову падут все возможные кары, если бы не одно «но»: голос звучал из динамика моего мобильного телефона. Это все равно, что испугаться льва, рычащего с экрана телевизора.

«Я тебя не боюсь, дундук!» — мысленно огрызнулась я, благоразумно промолчав и любуюсь пышным, так сказать, природы увяданием.

Залихватски подкинула носком ботинка ворох опавшей листвы. Тот рассыпался красивым фейерверком красок, снова улегшись на тротуар, словно сонный кот. Красиво, черт возьми! Вот так бежишь утром на работу, бежишь и не замечаешь,

что наступила осень. А однажды выглянешь в окно, а там уже блеклый снег покрыл корявые ветки чахлых деревьев, и понимаешь глубокомысленно — зима... Так вся жизнь пройдет — не заметишь.

— Сорокина, ты вообще меня слышишь? Я с тобой разговариваю! — не унимался рассерженный мужчина. Казалось, что им движет одно желание — схватить меня и как следует встряхнуть. Ну, или уронить мне на голову потолок.

Да слышу я, слышу я тебя, блин!

— Да, Михаил Юрьевич, — смиренно вздохнула я в трубку. — Я слышу вас, но мне нечего вам ответить.

— То есть как нечего? Время десять часов, а тебя нет на рабочем месте. У меня телефон раскалился, электронная почта лопается от избытка писем, дел невпроворот, а ты неизвестно где шляешься! — Михаил Юрьевич так и полыхает праведным гневом на меня, нерадивую подчиненную, решившую без всякой причины прогулять рабочий день.

Конечно, разве может моя причина показаться ему веской! Подумаешь, приставал ко мне вчера Ладогин! Что в этом такого! Шеф сам в прошлом году на новогоднем корпоративе подбивал ко мне клинья. Нет, я все понимаю: праздник, всем весело, все смеются, сытые, пьяные и счастливые. Конкурсы еще всегда такие пошлые, шутки ниже

пояса, ну с кем не бывает. Но нельзя же переходить границы! Или можно?

Я понимаю — пошутить, пококетничать, позаигрывать (сама грешна), но зачем же руки распускать и давать волю своим инстинктам! Если я тебе улыбнулась, это еще не значит, что со мной можно делать все, что взбредет в пьяную голову.

Думал, если я устроилась к нему секретарем, то по совместительству соглашусь подработать и шлюшкой? Не на ту попал. И даже на следующий день глаза не прятал, козел. Как ни в чем ни бывало, пришел в офис, потребовал чашку кофе. Будто ничего из ряда вон выходящего и не произошло. А мне что оставалось? Тоже проигнорировала.

Но обиду на меня он с тех пор затаил. Я это всегда чувствовала, и его тяжелый взгляд всегда ощущала, и даже много раз ловила на себе, резко оборачиваясь и заставая начальника врасплох. Молчит, а сам так и сверлит меня злыми прищуренными глазками.

Я тогда вообще перестала на праздники ходить, никакие тусовки со своим коллективом не посещала, и от поездок на «зеленую» категорически отказывалась. Больно мне надо снова выслушивать то, что перед Новым годом тогда услышала. И лапал так, гад, будто хотел всю меня в своих метках оставить и в слюнях утопить. Я тогда полночи в

душе просидела, противно было на себя смотреть, и неприятно на работу выходить.

Короче, у меня с шефом затяжная холодная война. Нет, было бы куда уйти — ушла бы, но новая работа, черт, на дороге не валяется. Вот и терплю.

Разумеется, с голоду бы я вряд ли умерла, если бы и уволилась, но... Фил, он, скажем так, не особо надежный человек, и я очень опасаясь попасть в зависимость от него.

Он конечно и репу моему шефу начистить мог, если бы только узнал, что тот пытался сделать. Его и просить об этом не пришлось бы, ринулся бы как бык на красную тряпку, пуская пар из ноздрей, и семеро бы не удержали. Но зачем мне это кровопролитие? Промолчала, скрыла, замяла. Просто знаю, что если еще раз подобное повторится — не пощажу, пожалуюсь.

Да нет, конечно, опять промолчу, как с Ладогиным, который вчера, гад такой... сволочь... А Фил, он безбашенный, в голове ветер. И кто знает, как далеко он может зайти... Лично я это выяснять не хочу.

Но этот новый зам! Красивый мужчина, ничего не скажешь. Высокий атлет, загорелый блондин, в общем, полный боекомплект! Ну, я с радостью принялась строить ему глазки, разумеется. Как и все, а что тут такого? Так

проходят дни в офисе: делаешь свою работу, общаешься с коллегами, шутишь и смеешься.

Мне всегда нравилось получать комплименты. Разве не для этого я встаю каждое утро раньше на час, чтобы навести блеск и красоту? Завить свои светлые волосы, прямые от природы, придав им шик и сделав их волнующе объемными, и уделить основательное время макияжу: подвести серые глаза, удлинить вполне густые ресницы, подчеркнуть линию губ, в меру пухлых и улыбчивых.

Я считаю комплименты типа «Отлично выглядишь, впрочем, как всегда! Классная помада, я такую же хочу! Ого, это что-то новенькое, где купила?» вполне заслуженными. Никто не против слышать в свой адрес приятные слова и видеть восхищение и симпатию.

Но кто же мог подумать, что этот пингвин правил игры не знает! Твое дело какое? Заслуженно принимай всеобщее обожание, косой коси все наши томные взгляды, прицепляй на грудь орденами наши охи и ахи. И поступай также: строй глазки, задирай подбородок повыше, и провожай многообещающим прищуром, прикусывая губу. Это же классика, ребята! Фигли он мне под юбку полез, когда мы в столовой одни остались! Нет, он что думает, что я *такая* ? Придурок.

Почему мужчины считают, что если девушка

красивая и уверенная в себе, то она обязательно должна быть распущенной и доступной? Ну подмигнула я ему пару раз, ну улыбнулась на анекдот, тупой, кстати, и рассказанный плохо (я виновата, что ли, что ему красота мозги заменила?), но на стол-то меня зачем было заворачивать и лезть куда негоже?

Обидные слезы вновь навернулись на глаза. Вот опять, блин, останусь неотмщенной. Ну не могу я рассказать Филу об этом. Сама же потом буду казнить себя за то, какую бойню он устроит в офисе. А Ладогин, скотина, весь день ходил с видом, будто получил то, чего хотел. И взгляд этот масляный, будто знает, что я сама хочу, только стесняюсь. Ненавижу таких.

— Сорокина! Так я не понял, тебе деньги нужны или нет? Ты еще работаешь у меня, или все, сдулась с концами? — грубый окрик начальника заставил меня очнуться.

Вытерла глаза, распрямила плечи, остановилась.

— Михаил Юрьевич, вообще-то, завтра зарплата, и я ее честно заработала, — проговорила я медленно, а сама похолодела от догадки, что шеф решил ее мне не выдавать. А что, он может. Давно на меня зуб точит, мечтает отыграться за свое ущемленное самолюбие.

Не надо было этим самолюбием размахивать у

меня перед носом, нечего бы было ущемлять.

— Короче, Сорокина, ставлю тебе выговор, лишаю премии, сокращаю зарплату на пятьдесят процентов и наблюдаю за тобой. Еще раз такое повторится — вылетишь из моей фирмы без копейки, поняла? Много на себя берешь!

— А вы? Не слишком ли жестоко вы меня наказываете за один пропуск, даже не зная его причины? — сердце тоскливо сжалось. Ну все, кажется, шеф дождался своего звездного часа, и главное — я сама подставилась.

— А чтобы другим неповадно было, поняла? — вскричал мой начальник. — Думаешь, я позволю тебе вести себя, как вздумается? Думаешь, ты на особом положении? Слишком много о себе нафантазировала, девочка, — прошипел он.

Ага, нафантазировала. Про его грубые руки, мокрые губы и неадекват в глазах. Ну да ладно, бог с тобой. Хотя, нет, подождите, рано тушить свет и выносить тело!

— Михаил Юрьевич, извините, конечно, но я свои права знаю, — проговорила я отважно, приготовившись влить в мое многострадальное ухо новую порцию гневного крика. — И я с этим делом ну никак не могу согласиться. Согласно трудовому кодексу...

— А согласно моему кодексу, ты держишься на одном волоске от того, чтобы кубарем скатиться

со ступенек моего офиса, поняла, Сорокина? Кто ты? Что ты из себя представляешь? Думаешь, ты профессионал высшего класса? Ошибаешься, таких как ты, на улице целая очередь ко мне стоит, — я повела головой, оглядывая улицу, но видимо, девчонки и дамы из этой очереди как раз в этот час разбежались на обед. — Так что не думай, что без тебя все рухнет и развалится. Никто тебя просто так держать не будет. Не работаешь — значит, и денег не заслуживаешь.

— Но я же работала...

— А попробуешь сунуться в трудовую инспекцию, так они такие акты на тебя прочитают, такие характеристики, что поставят на тебе крест, и никуда ты уже не сунешься больше в этом городе. Пойдешь дворником работать или на панель.

— Почему это на панель? — тихая злость закипала внутри, но ругаться с ним не стоит: он же самодур! А без денег мне оставаться ну никак нельзя. Чем я буду платить за квартиру? Если и не на панели окажусь, то на улице в прямом смысле точно могу очутиться.

— Туда тебе и дорога. Юбки короткие, декольте до пупа, колготки в сеточку. Кто ты, если не оттуда? — горячился Михаил Юрьевич.

Мои губы против воли изогнулись в злой улыбке. Короткие юбки, говоришь? Три пальца выше колена — это только шалавы так носят, ага.

До пупа вырез? Запутался уже, где явь, а где твои большие фантазии? И сеточку, наверное, твоя жена носит.

Вот гад! И главное спорить с ним нет никакого смысла! На его стороне грубая сила и мои деньги. Не справедливо, но это так, и мои кукареканья только раззадорят его еще больше. Давно, видимо, он ждал момента так оторваться на мне.

И ведь все из-за Ладогина... На работу сегодня собиралась, как на казнь. Тяжело сознавать, что этот хрящ будет расхаживать по офису, уверенный в себе и всем довольный, уверенный, что я просто набиваю себе цену перед тем, как свалиться в его объятия. Член на ножках... слишком больно и обидно от того, как он со мной обошелся. Словно грязью облил. Еще и Фил этот...

Если бы не он, не подкараулили бы меня у подъезда, и руки бы не заламывали, и мордой в стену бы не тыкали, шепча на ухо угрозы вперемешку с наглым лапаньем. Тоже мне, следователь прокуратуры, блин... Все они гады! Все сволочи!

«Я бы на вашем месте, — говорит, — задумался о своей жизни. Перспективы у вас, ласково говоря, не очень, — а сам дышит мне в ухо, а я и шелохнуться не могу. — Сдайте мне Фила, и я помогу вам выйти сухой из воды».

А я и так сухая, это вы меня пытаетесь выпачкать и чем-то облить, а у меня все в порядке. Я с Филом общих дел не имею и в его тайны не лезу. Да, разумеется, я знаю, что не все там чисто, но я ему подруга, а не подельница!

И так через силу, пинками себя на улицу вытолкала, а тут такое. В общем, не смогла я этим утром найти в себе моральные силы, чтобы пойти на остановку. Вместо этого отправилась бродить по улицам.

А тут шеф со своими угрозами и подлостью. Такой не станет вступаться за честь своей подчиненной — сам только что обругал и на панель благословил. Ну-ну, какой начальник, такой и зам, два огурца — овощи. В смысле, одного поля ягоды.

Надо же так взять, и перечеркнуть целый год моей работы, честной, на износ, с преданностью делу и подчинением субординации.

Я почувствовала, что мне стало не хватать воздуха. Нервы, будь они не ладны. Не девочка все же, тридцать скоро будет. И почему в моей жизни все так хреново: куда ни плюнь, везде проблемы. Устала, надоело, неужели я все это заслужила?

— Послушайте меня, Михаил Юрьевич, — проговорила я тихо, вынуждая его прислушаться ко мне. — Если вы не выплатите мне всю зарплату в полном объеме согласно отработанным часам, я пойду не в трудовую инспекцию, а в прокуратуру!

А что, пусть этот гаденыш-следователь, который лапал мою грудь, предупреждая, как опасен Фил и что за его укрывательство меня ждет наказание для плохих девочек, побегает, защищая мои интересы, ведь правда будет на моей стороне. Или нет?

— Ах ты... — шефу понадобилось время, чтобы удержаться от ругательств, проглотить их и не подавиться. — Значит так. Завтра ты приходишь, и слезно умоляешь меня не увольнять тебя по статье, чтобы не портить твою трудовую книжку, а я буду думать, простить тебя и дать тебе еще один шанс, или затаить обиду и наказать по полной, ясно? И возможно, ты догадаешься, как меня уговорить простить тебя, а, Сорокина? Ты умная женщина или как?

Он ждал ответа — так и представила его гадкую ухмылку — а я пыталась вздохнуть, борясь с неведомой силой, вдруг сжавшей мою грудную клетку. Наконец мне удалось эту силу обмануть: я втянула воздух через ноздри, хищно их раздувая. Ну, Михаил Юрьевич, ваше счастье, что я сейчас не в вашем кабинете и нас разделяют километры!

— Да пошел ты! — в эти три слова я постаралась вложить максимум презрения и ненависти, и тут же выключила телефон, пока ошарашенный мужчина не услышал мои всхлипывания.

Нет, я не истеричка, не ботаничка и не наивная дуручка, и давно знаю, что есть мужчины, от чьих назойливых рук приходится отбиваться и уворачиваться физически, но то, что случилось сегодня — это уже перебор. Ну почему все проблемы наваливаются скопом, а не по одной?

Разумеется, я не напишу никакого заявления в прокуратуру, и не пожалуюсь на их работника, наглого следователя, превысившего свои полномочия и оскорбившего меня угрозами и действиями, и совершенно очевидно, что я только что потеряла работу и деньги, а значит, и квартира продержится за мной максимум неделю. И если Фил узнает о чем-то из всего этого, беды не миновать. Да и сам он, мягко говоря, в последнее время не совсем в себе. Блин, что за жизнь такая, а?

А ведь я давно знаю, что смазливое рыльце Филя в пуху, но что толку! Все равно я повлиять на него не могу.

Эх, напиток, что ли, расслабиться и забыться хотя бы на время? И я отправилась пить кофе в ближайшее кафе через дорогу. Гулять так гулять.

ГЛАВА 2. Коварные замыслы

Если кто-то думает, что в детстве меня звали Сорокой, потому что моя фамилия Сорокина, он ошибается. Все детство я была Галкой. Смешно, да?

Это меня Шашка так звал, вот Сорока и не прижилась. Шашка, кстати, сам стал жертвой моей изощренной фантазии. Да нет, шучу, не фантазии он обязан своим смешным прозвищем. На самом деле он пострадал от моего дефекта речи: в младшей группе детского сада я не выговаривала букву «с». Вот Сашка и стал Шашкой.

А Галка, кстати, тоже не плод его умственного труда, это имя у меня такое — Галка. Галка Сорокина.

Когда зазвонил мой мобильник, я доедала третью булочку. Что поделать — люблю я их родимых: пышные, мягкие, щедро посыпанные корицей. Поэзия! С некоторым напряжением я достала телефон из кармана пиджака и счастливо вздохнула: наконец-то адекватный человек позвонил. Шашка.

— И чего это ты от работы отлыниваешь, а? — тут же заняла я эфир. Интересно, что у него за дело ко мне? Мой друг никогда не звонит мне в рабочее время, если на это нет веских причин.

— А ты чего безобразничаешь? — услышала я бас товарища. — Я тебе на работу звонил, между прочим, и совершенно случайно узнал о тебе много нового и неизвестного. Пошто прогуливаешь-то, Галка?

Я уныло хмыкнула. Разве он поймет меня? Он никогда не позволил бы себе такое поведение, он у

нас благородный и правильный, и подумать, что кто-то из его братства способен на низость и подлость, он не может.

Меня, конечно, в детстве обижали иногда, и Шашка всегда становился моим защитником. Не от всего, правда, он мог меня оградить и обезопасить, но тумачков я почти не получала, как только во дворе и в школе все поняли, что Шашке это не нравится. А поскольку мы с ним по жизни все время были вместе, очень скоро меня оставили в покое районные хулиганы. Больно надо им было связываться с этим крупным мальчиком, грозно хмурившимся, когда он видел мое зареванное лицо.

Нам легко дружить — мы из одного двора. Просидели вместе, ноздря к ноздре, в садике на горшках, и в школе за одной партой. Только универы разные выбрали. Я в гуманитарный пошла, а он в технический. Сейчас Шашка планомерно поднимается по карьерной лестнице на судостроительном, совершенно заслуженно метя в главные инженеры, а я вот... медленно обтекаю и обсыхаю. Стоило вкладывать силы и старание в учебу, завоевывать авторитет на работе, чтобы какой-то пи... пингвин разрушил это в один момент.

— Шаш, чтобы тебе ни сказали про меня, это все неправда, — всхлипнула я.

— Галка, ну ты что? Что случилось, подруга?

Да что бы ни произошло, тебе нечего бояться и переживать — прорвемся! — он сразу почувствовал мое настроение.

В чуткости ему никогда нельзя было отказать. Умный вообще человек, люблю я его. Впрочем, чего-то меня занесло. Я вытерла слезинки и вздохнула.

— Шаш, а я работу потеряла, — проговорила я и губы мои искривились.

— Эй, что, серьезно? Ну дела...

— Я это, и зарплату даже не получу, — продолжала жаловаться я.

Я всегда любила поплакать в жилетку своего друга. В детстве как было — наябедничаешь, бывало, тихонько, и все, жди отмщения: от Шашки еще ни один негодяй не уходил безнаказанно.

При этом я всегда знала, о чем можно ему говорить, а о чем нет. Он так никогда и не узнал, какая лютая ненависть полыхала в моей душе к моему братцу. Впрочем, сейчас мне других проблем хватает, а то Валька ни к месту припомнился.

— Что же такого ты натворила, что с тобой так, а? — искренне недоумевал мой друг. — Гал, давай вечером встретимся, и ты мне все обстоятельно расскажешь, лады? Разберемся, порядок наведем, негодяев накажем. Как тебе планчик?

— Идеальный! — хмыкнула я с большой

долей скептицизма. Это как же я ему буду рассказывать, что Ладогин мне в тр... куда нельзя залезть хотел? Или как шеф прошлой зимой подобное пытался вытворить? — А чего звонил-то, Шаш?

— Я это... — парень замялся, и я так и представила его лицо, когда он усиленно моргает, выпучив глаза и подбирая слова, при этом растерянно почесывая макушку. — А, не важно уже, забудь. Короче, в восемь у фонтана, да?

Я заверила его, что буду вовремя. Бедная Лина, значит, придется ей этот вечер провести в одиночестве — ее дружок опять со мной будет возиться. Остается только благодарить небо за то, что девушка моего друга детства оказалась понимающей и адекватной.

А у меня в голове уже стали определяться тонкие контуры одного плана. Я не позволю каким-то засранцам вытереть об меня ноги и выкинуть как какую-то шваль. Я им покажу колготки в сеточку и декольте до пупа! Обалдеют!

Только бы шеф ни о чем не догадался, хотя, он слишком плохо меня знает, чтобы заподозрить в подобной афере.

Шашка в принципе мне не очень-то и нужен для этого дела, просто я трусиха и боюсь темноты. С ним все же не будет страшно, и мне не придется отвлекаться на странные шорохи, которые

обязательно раздаются в тишине, будь ты в лесу или в доме, забитом людьми.

Что ж, решено! Я, во всяком случае, уже решила. Будет весело. Жалко только, что я их ошарашенных рож не увижу. Но ничего, у меня богатая фантазия, я эту сцену сама додумаю.

ГЛАВА 3. Стратегия и тактика

В восемь вечера я уже сидела на прохладном мраморе парапета, ограждавшего фонтан, главную достопримечательность площади Воскресения, и задумчиво бросала хлебный мякиш шустрым воробьям. А что, им тоже есть чего-то надо. Ну да ладно, это лирика. Главное — дело.

Шашка запаздывал, но я не теряла времени даром. Весь день проваляв дурака, сейчас я составляла подробный план действий на ближайшую ночь, а то, что мы с Шашкой не сомкнем глаз — это точно. По-моему, план получился конкретным и обстоятельным.

Первое — это нанести сокрушительный удар. Второе — произвести контрольный выстрел. Третье — замести следы. Четвертое — как следует отметить абсолютную победу. Ну и пятое — придумать внятное и более-менее приемлемое оправдание перед Филом, почему у меня в телефоне так много его пропущенных и ни разу не

ответченных вызовов.

А что? Помочь он мне все равно не сможет, да я и не рискну его посвятить в столь щекотливое дело, как месть обиженной работницы частной фирмы. Знаю я его: все, что он может предложить для решения этого конфликта, является приемлемым только для него — замочить этих с@к, и сжечь, нафиг, их офис.

В принципе, я бы охотно поделила его мнение, и в моем сердце даже не шевельнулся бы червячок сомнения в справедливости таких действий и соразмерности наказания и провинности. Но вся кровь, которой я сейчас обильно поливала асфальт, существовала только в моем воображении. Достойным отмщением для меня будет обескураженность моих врагов тем, что я планирую предпринять часа этак через три-четыре.

Шашка появился из ниоткуда, ухнул филином мне над ухом, заставив подскочить и распугать старательно прикормленных птичек. Вот терпеть не могу эту его привычку подкрадываться и выпрыгивать из-за спины как черт из табакерки! Ну не школьники мы уже, ну честное слово!

Я готова была столкнуть его в бассейн, но мокрым он был для меня малоэффективным, поэтому я сдержалась, прошипев только, что в его возрасте пора бы уже хотя бы делать вид, что

зачатки интеллекта у него все-таки имеются, пусть даже в рудиментарном виде, на что он безмятежно заметил, что не глупее меня, и щелкнул меня по носу. Ну да ладно, ему можно. Я же знаю, что за его действиями не стоит никакого подтекста, и он никогда не обидит меня.

— Короче так, — произнесла я, успокоившись, — сейчас едем ко мне в офис и...

— Эй, подруга, я чего-то не догоняю, — сразу перебил Шашка, — ты не забыла, который час? — он озадаченно посмотрел на меня.

— Ты прав, еще довольно рано до назначенного часа Ч, и у нас в запасе есть как минимум, два часа, но ничего, — я насмешливо улыбнулась, глядя на его озадаченное лицо. — Мы же старые друзья, неужели нам не найдется, о чем поговорить!

Конечно же, я понимала, что он устал — в отличие от меня пахал весь день. Вот, сидит со своей сумкой через плечо, и мечтает, наверное, о пельменях, которые Лина готовит просто мастерски, а тут я со своими заморочками и жаждой мести. Но что поделать, если без него мне никак не обойтись!

— Чей-то я не понял, чего ты хочешь сделать-то? — Шашка подсел ко мне ближе и пристально посмотрел, состроив смешную гримасу, будто сомневался в моей адекватности. Нет, ну

пора уже взрослеть, мой мальчик, пора!

— Справедливость я хочу сделать, понятно? — не сдержав эмоций, воскликнула я.

С Шашкой, конечно, я чувствовала себя спокойно, но все же обида от незаслуженных оскорблений никуда не делась, и жажда мщения не прошла, поэтому понятно, что я сейчас нервничала и переживала.

— А я-то тебе зачем понадобился? Плечом дверь вышибать, что ли? — смешной, пытается дойти своим умом до истины, на копыя которой меня толкнули жестокие дураки.

— Нет, ты, конечно, можешь вышибить дверь, — согласно качнула головой я, — так сказать, в рамках самодеятельности, но... — я сделала загадочные глаза и достала из кармана ключ.

— Оп-па, ключик! — насмешливо произнес Шашка.

— Ага, золотой, — я повертела его в руках, поцеловала, громко чмокнув, после чего снова убрала в карман пиджака.

— И какие двери он открывает, а, Буратино? — Шашка легонько толкнул меня плечом. Легонько — потому что не хотел, чтобы я улетела в бассейн от его «дружеского» тычка.

— Все! Абсолютно все! — я порывисто поднялась. Мне уже надоело сидеть, если честно, да

и попа замерзла на холодном камне. — Во всяком случае, сегодня ночью я попытаюсь открыть им дверь в мое светлое будущее.

— Ладно, давай, колись, чего задумала? В чем все-таки дело?

— Э, чего так сразу-то? А где твое заботливое «Пойдем сначала поедим чего-нибудь»?

— Ну пойдем, — Шашка вздохнул и покорно встал, понимая, что сегодня ему от меня так просто не отделаться.

— «Ну пойдем», — передразнила я его, сморщив лицо, — ты и за Линой так ухаживал, да? Как только она на тебя клюнула? Чем ты ее только взял с такими-то манерами?

— Я покори́л ее неземной красотой и нечеловеческой силой, — гордо заявил мой друг, насмешливо сверкнув глазами.

— Да из жалости она с тобой сошлась, понятно? — не поверила ему я. — Из простого человеколюбия.

Нет, Шашка красивый. Слава богу, он не в моем вкусе, а то страдала бы я по-черному, когда он Лину привел в нашу тусу полгода назад. Высокий, могучий, кареглазый брюнет с веселыми глазами и добрым характером. На него западали буквально все, никогда он не мог пройти и остаться незамеченным, но при этом доступность моих сестер не сделала его распущенным и

развращенным.

В общем, не зря я Шашку любила и уважала.

Мы посидели в «Чайковском», поужинали и поболтали на отвлеченные темы. Новостей особых не было — и так каждый день, практически, видимся, все друг про друга знаем — так что вскоре после того, как перешли к десерту, я рассказал ему про свои тридцать три несчастья. И про шефа, и про Ладогина, и про следователя прокуратуры.

Услышав о том, что из-за Фила мне грозят неприятности, мой друг нахмурился. Я понимаю, почему Фил не нравится ему: человек, который не в ладах с законом, а все трудности рвется решать с помощью кулаков, не может импонировать Шашке. Тот, хоть и обладает недюжинной силой, все же предпочитает могучий русский во время сложных переговоров, переходя к рукоприкладству в крайнем случае. Только если видит, что оппонент ну никак не в состоянии понять, что от него требуется. А вообще с Шашкой мало кто спорит и связывается, так что его, несмотря на рост метр девяносто и кучу старательно и с любовью прокачанных мышц, смело можно назвать пацифистом.

— Я вот всегда чувствовал, что Фил этот твой еще подложит тебе свинью, — проговорил он, хмурясь.

Знакомое выражение, не сулящее виновнику

ничего хорошего. Я хмыкнула. Фил меньше и тоньше его, но совершенно не боится ни Шашкиных кулаков, ни грозно сведенных бровей. Фил вообще никого не боится, а вот его боятся многие. А из-за него за меня боится и мой друг детства.

Но я-то чувствую и понимаю, что мой возлюбленный не может причинить мне никакого вреда и тем более зла, и тем более намеренно...

Хм, как я ошибалась... Ну да ладно, главное сейчас на повестке вечера: проникновение в мой офис с целью достижения справедливости и воцарения гармонии.

ГЛАВА 4. Под покровом темноты

Мы неспешно выкатились из кафе, чувствуя насыщение и умиротворение, и меня немного напрягло выражение лица моего друга. Сытый и довольный жизнью, он наверняка мечтал сейчас о мягком диване как минимум, и о Линке под бочком, как максимум. Это же сразу видно: когда человек влюблен, у него все на лице написано.

Но у меня были планы, и я не собиралась жалеть Шашку.

На улице быстро темнело, повсюду зажигались фонари, воздух насыщался прохладой. Красиво! Мне всегда нравился ночной центр,

расцвеченный огнями ярких реклам и неоновых вывесок. Создавалось впечатление, будто в городе царит вечный праздник. Праздник, который всегда с тобой... Вот и я сейчас собираюсь устроить кое-кому «праздничек».

— Ты мне нужен, — напомнила я Шашке о цели нашей встречи, сама с трудом собирая себя, так сказать, в горсть.

Парень глубокомысленно поднял брови, давая понять, что если у него еще и оставалась надежда на возможность улигнуть, она только что рассыпалась прахом.

Его старенькая Тойота стояла на другой стороне площади, и мы направились к ней. Я привычно висела у Шашки на руке, он рассказывал мне тихим голосом о плотности посадки втулки в корпусе насоса, и оба мы наслаждались прекрасным вечером. Однако чем быстрее мы приближались к намеченному часу Ч, тем явственнее я ощущала дрожь в предвкушении той авантюры, которую замыслила, втянув в нее и своего друга детства.

— Ну, че, все-таки не передумала? — кинул в меня последний пробный камень Шашка, когда мы подошли к машине. Он остановился с ключом в руках и смотрел с надеждой.

— Шаш, это моя репутация, понимаешь? В конце концов, мои деньги. Как я могу передумать?

Друг вздохнул, а я отвернулась, чтобы он не

заметил набежавшие слезы. Вот вечно они не к месту появляются. К черту нытье! Таких мужиков как Ладогин или Юрьевич это только позабавило бы, так что я сама собираюсь развлечься.

— Ну поедем или как? — отмерла я и решительно раскрыла дверь машины. — Да, и к черту ухаживания, я сама усядусь.

Шашка хмыкнул и тоже полез в машину.

До места добрались за полчаса. Часы показывали двадцать два пятнадцать, и я, сцепив пальцы на коленях, замерла.

— Сколько у нас времени на вздремнуть? — попытался вывести меня из транса Шашка, но я лишь пожала плечами.

Наша фирма разместилась в одном крыле небольшого гаражного комплекса. Двухэтажное кирпичное здание спокойно стояло в отдалении от жилых домов, но окна ближайшей девятиэтажки смотрели как раз на парадное крыльцо. Блин, оставить машину прямо здесь, это все равно что включить свет во всех кабинетах офиса.

— Заводи мотор, мы уезжаем, — потребовала я.

— Что? — практически взревел донельзя удивленный парень, но я залихватски ему подмигнула.

— Мы отгоним машину на соседнюю улицу, чтобы не отсвечивать здесь.

Фыркнув, Шашка послушно завел двигатель и выехал со двора. Через десять минут мы, словно воры, крались в темноте обратно. Впереди Шашка, за ним я, прячась за его могучей спиной.

Уже довольно ощутимо похолодало, и я ежилась в своем пиджачке на рубашку с коротким рукавом. Короткая юбка-карандаш тем более не могла спасти от ночной сырости, и я начала стучать зубами. Что ж, не догадалась днем заскочить домой переодеться, теперь приходится терпеть.

Гигантской нахохлившейся птицей дремал гаражный комплекс, погруженный в темноту, и ни один фонарь на прилегающей к нему территории не работал. Что ж, это как раз то, что мне надо. Да здравствует разгильдяйство и халатность!

Я так крепко сжимала в руках заветный ключ, что казалось, он раскалился. Я вздрогнула, когда Шашка неожиданно обернулся.

— Ключ! — произнес он требовательно, протянув за ним руку, словно хирург в операционной.

Получив его, теплый и потный, еле слышно хмыкнул.

Не всем было известно, что в нашем офисе отсутствовала сигнализация. Имитация датчиков и камер видеонаблюдения имелась, но все это было туфтой. Жесткая экономия (а точнее страсть шефа проводить отпуск в жарких странах) не позволила

нам разжиться достойной охраной, и сейчас это играло мне на руку. Шашка открыл замок и, толкнув дверь, отошел в сторону.

— Прошу! — таким гусаром произнес он, и тут же подтолкнул меня в спину. — Галка, время позднее, хватит телиться. Быстро делай, что ты там собралась, и по домам.

Я в волнении перешагнула порог и направилась по темному коридору в сторону приемной.

— А кстати, сколько времени тебе понадобится на то, что ты задумала? — Шашка прикрыл дверь и последовал за мной.

— Капелька, — ответила я, шаря в сумке и извлекая на свет божий, а точнее, во тьме, еще один ключ.

— Серьезно? Для того чтобы все здесь разрушить и поджечь тебе не нужно много времени? — захохотал в полный голос Шашка. В помещении не было необходимости переговариваться приглушенным шепотом. — А свет ты включить не хочешь?

— Что? Свет? Может, сразу вызвать Стражей порядка? — возмутилась я.

— Ладно, спокойно, я просто пошутил, — пробурчал Шашка, извлекая из кармана мобильник, чтобы посветить мне.

Дело в том, что я безуспешно тыкала ключом

в попытке попасть в замок, и пока мой друг не догадался мне посветить, была на грани провала всей операции.

Оказавшись в своей стихии, я быстро подошла к столу и включила компьютер.

— Что? — возмутился Шашка, прозревая. — Ты притащилась сюда, чтобы сделать какой-то отчет? А меня взяла за компанию, чтобы не страшно было?

— Шаш, я увольняюсь, — коротко бросила я ему, щелкнув иконку программы 1С.

— Я это слышал еще днем, — произнес друг.

— Днем речь шла о том, что меня уволят. А я решила уволиться сама. Чувствуешь разницу?

— Не совсем.

— Мне дорога моя трудовая книжка, понимаешь? В ней вся моя жизнь, от нее много зависит, и портить ее двум дегенератам, которые думают не головой, а совсем другим местом, я не позволю. Я сама себя уволю и точка.

Я объясняла Шашке свои мотивы и намерения, а сама быстро составляла приказ от сегодняшнего числа. Распечатала на принтере, поставила свою подпись (чего мне подличать-то) и полезла в нижний ящик стола.

— Посветить? — встрепенулся замерший, было, Шашка. Он удобно устроился на стуле рядом с моим столом и немного обиженно сопел.

— Спасибо, не надо, — натужно ответила я откуда-то снизу, шаря рукой в забитом всякой ерундой ящике.

Это очередной прокол шефа: когда-то он вручил мне запасной ключ от своего кабинета и благополучно забыл об этом факте. Ну что же, золотой ключик, вылезай! Наступил твой звездный час!

Нащупав коробочку со всякой мелочёвкой, зачем-то хранящей сломанные точилки, обгрызенные ластик и скомканные визитки, я нашарила там мой самый заветный ключ.

Да-а-а, сегодня, воистину, ночь волшебных ключей. Я словно прохожу какой-то квест, и, попадая в каждое новое место, получаю новый ключ, чтобы двигаться дальше. Прямо Форд Боярд какой-то! Что ж, Михаил Юрьевич, я почти дошла, я совсем рядом.

Шашка вовремя подскочил, чтобы осветить процесс открывания директорского кабинета. Дело в том, что именно там находился сейф с трудовыми книжками, как и банковские печати.

Я с легкостью открыла его. Это оказалось просто, так как ключ от сейфа совершенно справедливо хранился у меня, благо, в разгар рабочего дня я бегала к нему не по одному разу. Через минуту я уже извлекала дрожащими руками свою трудовую книжку из одного из ящичков.

— Ну вот и все, — проговорила я, чувствуя, как восторг разливается по моим венам, прогоняя напряжение. Страх, что у меня ничего не получится, наконец-то, отпуская.

Шашка посветил мне в лицо, заставив хрюкнуть от возмущения.

— Хочу запечатлеть лицо маленькой воровки, пустившей во все тяжкие ради бумажной картонки, — пояснил мне друг.

Я легонько хлопнула его этой бумажной картонкой по лбу и демонстративно ее чмокнула.

— Шаш, это вся моя жизнь, — я потрясла своей книжкой у него перед носом. — Мой авторитет, моя репутация, мое прошлое и будущее, — серьезно объяснила я. — И запись об увольнении за прогулы была бы в ней клеймом на всю жизнь. И даже если бы впоследствии через суд я добилась бы отмены этой записи, она все равно бросала бы на меня тень подозрения, наводя моих потенциальных работодателей на ненужные размышления.

— Ладно, ладно, — примирительно замотал фонариком Шашка. — Я все понимаю. Но теперь-то мы можем отправляться домой?

Я посмотрела на него скептически.

— Скажи мне, Шаш, сколько раз ты увольнялся?

— Я-то? Нисколько.

Это было правдой. Как после технического он пришел на завод, так там и работает до сего дня.

— Оно и видно. Для увольнения одного приказа мало. Надо еще в трудовую внести запись о нем, понятно?

— Это долго?

— Если не будешь отвлекать, сделаю за пять минут.

— Окей, я пока вздремну, — и Шашка первым направился в приемную, уселся на стул и сделал вид, что задремал.

Я же подскочила к столу директора, открыла верхний ящик, где хранились все штампы и печати, и, схватив нужную, побежала к своему столу.

— Посветишь мне? — попросила я и принялась творить свое будущее.

Друг немного подразнил меня, гоняя луч экрана телефона по столу и метя мне в глаза, но потом посерьезнел, поняв, что сам продлевает свою агонию пребывания вдали от любимой, и, устроив локоть на столе, принялся послушно светить мне под руку.

Я сделала запись, штампанула ее самой главной печатью, поставила подпись директора (иначе что я за секретарь, если не умею подписываться за патрона!) и снова чмокнула зеленые корочки. Приказ я решила оставить на столе у директора. Пусть завтра утром придет и

обрадуется!

— Теперь что? — поинтересовался мой друг детства, намекая, чтобы пора бы уже и сваливать отсюда.

— Все! — выдохнула я. — Ой, постой!

Хорошо, что я не успела отключить компьютер. Игнорируя красноречивое сопение друга как признак возмущения, я снова забралась в программу, и наглым образом, нисколько не сомневаясь в своих действиях, стерла свои личные данные, как то паспортные данные и место жительства. Пока это делала, поняла, что есть еще один документ, подлежащий изъятию: мое личное дело, поэтому снова попрыгала в кабинет шефа к сейфу. Назад я возвращалась довольная, будто выиграла в лотерею.

— Теперь все?

— Все!

С чистой совестью я выключила комп, отнесла печать на место, спрятала все ключи туда, где они и должны лежать, решив, что ключ от входной двери я выброшу где-нибудь на улице, когда меня посетила одна очень неприятная мысль.

Шашка черной тенью маячил уже в конце коридора, когда я снова вернулась к столу.

— Ну ты чего там? Галка! Решила стены расписать губной помадой? — ворчал Шашка, подгоняя меня.

— Обойдутся. Слишком мелкие пакостники, чтобы я на них свою «магу кау» тратила, — откликнулась я, копошась в папках, расставленных в лотки.

Шашка недовольно приблизился ко мне.

— Ты издеваешься? — голос его уже не был шутливым.

Ему изрядно надоело это глупое приключение. Никаких тебе погонь и опасностей, одни бухгалтерские делишки и кадровые заморочки. Не, это не интересно.

Но у меня был резон задержаться еще немного. Всю радость от только что содеянного как корова языком слизала: денег-то я не получила! Месяц каторги, и все насмарку. Я им не лохушка какая-то за бесплатно сносить придирки и издевательства!

Вдруг я вскинула голову и улыбнулась страшной улыбкой (ну, я на это надеялась). Я не я буду, если шеф не заплатит мне положенную зарплату!

Чтобы Шашка не скучал и не расстраивался еще больше, решила вовлечь его в подсчет своих кровных, принявшись рассуждать вслух.

— Мой оклад составляет пятнадцать тысяч, — сообщила я.

— А я тебе всегда говорил, что ты достойна большего! — вставил подхалим Шашка.

— Спасибо тебе, ты настоящий друг, — не оставила я незамеченной его попытку поддержать и ободрить меня. — Аванс я уже получала, в размере шести тысяч. Значит, меня ожидают мои законные и заработанные девять тысяч. Плюс премия. Обычно она варьируется от двух тысяч до четырех, но я человек скромный, возьму по минимуму, так и быть. Итого мне должны одиннадцать косых.

— Ха, ты скромняга, — хмыкнул Шашка. — Бери больше, за моральный ущерб, так сказать. Тысяч пятьдесят хотя бы. И это, за отпуск, да, за отпуска еще нужно взять, — проявил вдруг он заботу обо мне.

— Я его в прошлом месяце отгуляла.

Я видела, что он прикалывается надо мной, не веря, что я получу эти деньги, поэтому не стеснялся рассыпать их щедрой рукою. Ничего, пусть смеется, в конце посмеемся вместе.

— Значит так, — обернулась я к нему, пресекая дальнейшие насмешки. — Как я их получу — мое дело. У женщин свои секреты.

Я недолго наслаждалась торжественностью и загадочностью момента, потому что Шашка вдруг всхлипнул и загоготал так, что я даже обиделась немножко.

— Это какими такими секретами ты из них свои деньги собралась выуживать, а, Галочка? — смеялся он, не в силах остановиться, хоть и увидел

мои сведенные брови.

Нда, это я промахнулась немного, не на ту мысль навела своего незадачливого друга.

— Да ну тебя, — не стала больше тратить на него время и снова принялась копошиться на столе.

— Давай хоть посвечу тебе, — предложил Шашка примирительно, но в этом больше не было необходимости. Во-первых, я на ощупь знала, что мне нужно, а во-вторых, уже притерпелась к темноте и стала более-менее ориентироваться в пространстве. К тому же свет из соседнего дома, пусть и слабый, достигал окна и немного рассеивал чернильную тьму.

Тем не менее, Шашка, чувствуя вину передо мной, все же включил свой сотовый, пуская мне в глаза мобильных зайчиков.

Да где же эта папка? Уже два лотка было ощупано и забраковано. Это просто золотая папка, во всяком случае для меня. Она стоит одиннадцать тысяч, и я ее найду.

— Вот она! — крикнула я радостно одновременно еще с одним возгласом.

— Что здесь происходит? — раздался мужской голос и через мгновение кабинет взорвался ярким светом, слепя глаза.

ГЛАВА 5. Обмануть Сталина

Мой большой друг стоял спиной к дверям, и только я могла видеть, какими круглыми стали его глаза. Словно вишни превратились в огромные сливы. Он безмолвно смотрел на меня и будто бы спрашивал: «Мать, че делать-то будем, а?»

Я сразу поняла, что он готов ринуться на штурм и накачанной грудью проложить мне дорогу к свободе, но этого не потребуется. Я послала положительный ментальный привет товарищу детства и выглянула из-за его широкой спины.

— Иосиф Виссарионыч! — я расплылась в широкой улыбке.

— Галка, ты что ль? Не признал я тебя, — старик шурился, пытаюсь рассмотреть меня, отважно заглядывая в открытую дверь. Поскольку опасности никакой не ожидалось, он решил зайти в кабинет.

— Ага, я, — подтвердила я.

— Чего так поздно-то? Я вроде все закрывал, когда домой уходил.

— Когда вы уходили домой, меня здесь и не было, — согласно кивнула я. — Меня вообще сегодня не было.

— А, так я слышал, да. Юрьич сегодня рвал и метал. Злой как черт был, — глаза пожилого человека сощурились и морщинки побежали лучиками от хитрых глаз. — А чего тебя не было? Случилось что ли чего? — спросил он, и меня это

тронуло до глубины души.

Вот честное слово — посторонний человек, простой кладовщик, а столько теплоты вложил в этот вопрос, что защемило сердце. А шеф, которому я служила верой и правдой полтора года, даже не поинтересовался о причине моего отсутствия. Зато отругал, унизил и наказал. Ну что за люди...

И вот интересно, скажи я ему: «Михаил Юрьевич, ваш заместитель, Николай Ладогин, вчера оскорбил мою честь и достоинство, нагло и грязно приставая ко мне прямо на рабочем месте в рабочее время», что бы он сделал? А я скажу, что: стал бы покрывать этого негодяя! Да, я в этом уверена. Потому что признай он, что Ладогин поступил по-скотски, станет очевидно для нас обоих, что и шеф в таком случае однажды поступил по-скотски, но как же такое можно допустить! Шеф прав всегда и ни перед кем извиняться не обязан...

Я лишь красноречиво развела руками и тяжело вздохнула, Иосиф Виссарионыч тоже.

— А чего пришла-то ночью, Галка? Спала бы и спала себе, или чем там молодежь занимается в такое время, а?

Хм, вопрос, конечно, интересный, но и ответ на него такой же.

— Да завтра надо сдать кое-какие документы, — и я потрясла заветной папкой перед своим и его носом, — не хочу подвести

начальника, — ага, кончено! — Раз я днем отсутствовала, то будет справедливо, если я ударно поработаю сейчас, чтобы утром не стыдно было в глаза шефу посмотреть.

А посмотреть придется. Мой ночной визит «на грани нервного срыва» — это не конец истории. Мне еще предстоит встреча лицом к лицу с моим уже бывшим работодателем и финальная речь. И не исключено, что кого-то из нас двоих, возможно, увезут на скорой. Надеюсь, не меня.

— Да еще не одна, — кладовщик бросил любопытный взгляд в сторону немого как рыба Шашки, и я поняла, что мой ответ он пропустил мимо ушей. Любопытство вызывало наличие молодого человека в моем скромном обществе.

Так и представила, как завтра Иосиф Виссарионыч будет делиться со всеми эксклюзивной информацией о том, что у Галки Сорокиной таки есть ухажер. Да еще какой...

Старик лукаво посмотрел на Шашку. Он явно ему симпатизировал, да и, в общем-то, было сложно встретить человека, которому не понравился бы мой друг. Метр девяносто вообще сложно не увидеть и проигнорировать.

Я тоже взглянула на него и едва удержалась от того, чтобы не прыснуть со смеху. Парень держался изо всех сил, чтобы соблюсти независимость и непосредственность, отчаянно

делая вид, что он просто проходил мимо.

— А это мой друг, практически брат, — охотно пояснила я своему коллеге. Так и хотелось добавить: «У меня с ним ничего нет», но разве мне поверят? Завтра все узнают, что есть!

Я лишь вздохнула и снова мило улыбнулась.

Иосиф Виссарионыч на самом деле никакой не Иосиф Виссарионыч. По паспорту он Кузьма Николаевич, но зато Сталин. Так что имя-отчество вождя всех времен и народов — это просто прозвище, которое закрепилось за ним так давно, что к моменту моего устройства на работу в эту фирму он уже много лет был Иосифом.

По мне, так пусть, все равно почти все, кого я знаю, имеют клички и прозвища, главное, что характер у него совершенно не Сталинский. Это добродушный человек, к которому можно обратиться по любому поводу и быть уверенной, что он не откажет в помощи. Уж сколько раз он чинил мне молнию в сапогах, или перетаскивал мой стол и компьютер во время очередного бзика, когда я занималась перестановкой мебели в кабинете с целью поднятия себе настроения.

А что? Работать со злыднем, который наказывает тебя только за то, что ты пытаешься сохранить свое достоинство и требуешь элементарного уважения к себе, не так-то просто!

— Ну... время уже позднее, — проговорила я

робко, давая понять, что общество этого человека мне, конечно, приятно, но, как говорится, пора и честь знать. И тут до меня дошло: я не поняла, как он вообще здесь очутился в такое время!

Я бросила взгляд на Шашку. Тот изнывал в обществе чужака и чувствовал себя не в своей тарелке. Да уж, тарелка эта и для меня уже не совсем своя. Вот стоит Иосиф Виссарионыч напротив меня, улыбается, косится с неиссякаемым любопытством на моего Шашку, и даже не догадывается, что я уже никто в этой фирме, практически самозванка, проникшая на чужую территорию и подлежащая наказанию. Возможно, даже с вызовом Стражей порядка.

От этой мысли у меня закружилась голова. Не от страха, а от восторга, что я всех провела. Сталин, конечно, человек хороший, но и он не должен знать правды. Помочь мне он ничем не сможет, а помешать — всегда пожалуйста, и не поймет даже, где испортит мою игру. Так что...

— А как вы здесь оказались? — не удержалась я от вопроса, произнеся его с ехидством и ударением на «вы».

Оказалось, все смешно и невероятно.

Обязаны мы были визитом Сталина одному человеку, который рано лег спать, но ворочался до тех пор, пока не признал, что должен выкурить сигаретку. А поскольку жена его не выносила

табачного дыма, он вышел на балкон. Тогда-то, облокотившись на перила, он и заметил блуждающий огонек в стенах учреждения, на которое смотрел каждый божий день, и часто — вечерами в течение многих лет.

Это нам еще повезло, что любопытный и шибко наблюдательный дядечка не позвонил в Орден! Понаехало бы Стражей, и объясняй потом, что я просто зашла поработать.

Я так и обмерла, как только представила, как машины с сиренами и мигалками окружают служебное здание, раздаются крики, усиленные мегафоном, и отряд быстрого реагирования в полной боеготовности бесцеремонно вламывается в наш скромный офис и берет меня под прицел своих автоматов, рассредоточившись по периметру моей тесной приемной. Только небольшое уточнение: моей бывшей тесной приемной — несколько минут назад я перестала здесь работать, чему несказанно рада, несмотря на то, что осталась без средств к существованию.

И вот мне пришлось бы утаивать и старательно скрывать этот факт от Стражей порядка, чтобы не подпасть под статью.

Я, как только увидела эту картинку...

Впрочем, воображение у меня с детства богатое. Только и делала, что постоянно себе что-то придумывала, лишь бы приукрасить жизнь,

которую никак нельзя было назвать сладкой. Но опять я ни к месту о Вальке своем вспомнила...

На мое с Шашкой счастье этот бдительный мужчина, жутко ответственный, блин, и чрезвычайно дотошный, любящий совать нос не в свои дела и лезть туда, куда не просят, будто ему за это премия полагается, оказался знаком с нашим Иосифом Виссарионычем.

Недолго думая, он бросился за телефоном и сообщил Сталину о «ночных визитерах», заметив также, что не исключает и такого явления как полтергейст или какая-нибудь мистика. А что, это сейчас усиленно пропагандируют на всех центральных каналах телевидения, и пенсионеры, проводящие большую часть дня на заслуженном отдыхе перед телевизором, вполне могут подпасть под влияние новых веяний, старательно навязываемых доверчивому населению.

Эх, это все Шашкины безобразия. Вот надо было ему с телефоном играть, пускать зайчиков по помещению, баламутить отходящих ко сну товарищей! Вот вам и мистика, блин.

Хорошо, что Сталин — человек неподозрительный. Мы горячо попрощались на выходе, и, оставив Иосифа Виссарионыча запирать офис во второй раз за сегодняшний день, быстро скрылись в темноте в направлении припрятанного автомобиля.

Только оказавшись в уютном салоне Шашкиного автомобиля, хлопками дверей отрезав себя от внешнего мира, мы вздохнули с облегчением. Шашка — что избавился от сверлящего взгляда старика, без проблем женившегося его в своем воображении на мне, с радостью дав нам свое благословение, а я — потому что ничто и никто не мешал мне прижимать к груди заветную папку.

Может быть, эта папка стоит больше, чем мое выходное пособие, и на самом деле является золотой, но мне много не надо, и я имею право шантажировать своего подлого шефа ею. Документы в ней — это мои пот и кровь, и не так уж, чтобы уж совсем в переносном смысле.

Подготовка к получению сертификата СРО, это... (Шашка тут же взмолился избавить его от нудных подробностей в полночный час), в общем, это самое СРО открывает перед нашей фирмой те двери, которые закрыты для большинства шарашкиных конторок вроде нашей, но получить его не так-то просто. Муторно и дорого. И кто должен собирать справки, выписки из налоговой, отчеты различных проверяющих инспекций, выпрашивать в бухгалтерии налоговые декларации, заверять всю эту лабуду у нотариусов и копировать, копировать, копировать сотни документов в трех экземплярах как минимум, а еще собирать массу

разных сведений, по крупницам выуживая их при минимуме содействия со стороны этого равнодушного мира?

Конечно же секретарь! Ей же больше заняться нечем! Я и занималась этим, попутно пытаюсь выполнять свои прямые обязанности, от которых меня в это нелегкое время никто и не думал освобождать.

А однажды я узнала, что для сбора подобных «папочек» нанимают специалистов и платят им очень такие не слабые гонорары. А мне — всего лишь мой ежемесячный оклад. Вот и все.

Так вот, пусть и отдаст мне заработанный мною оклад, а нет — пусть нанимает тех самых специалистов. Но думаю, при всей гнусности характера, Михаил Юрьевич не глуп. По крайней мере, жаден, что мне на руку, ведь гораздо проще заплатить мне одиннадцать тысяч, которые, кстати, он и так собирался мне выплатить, если бы не удачное для него стечение обстоятельств в виде моего прогула, чем терять время на повторную работу с выплатой вознаграждения в пятьдесят тысяч. Ага, столько зарабатывают на сборе этих бумажек для СРО умные специалисты. Я же оказалась глупой. Что ж, долго на мне воду возили, теперь на других пускай поездят.

ГЛАВА 6. Удар Фила как пинок судьбы

Шашка довез меня до моего дома и, зевая во весь рот (уже даже не смущаясь этого, еще по дороге устав за это извиняться), выпроводил из машины едва ли не пинками.

— Мне завтра в рань страшную вставать, Галка. Ты-то дрыхнуть будешь, а я уже в восемь пахать должен как папа Карло, — с упреком бросил мне товарищ вместо пожелания спокойной ночи, и умотал в соседний двор, где я провела все свое детство. Вот, даже квартиру специально искала в этом же районе, чтобы быть поближе к своим друзьям.

Если моего приятеля ждала теплая встреча в лице милой и красивой девушки, которая обожает обвивать свои длинные нежные руки вокруг его могучей шеи, то меня... в общем, я испытывала некоторое напряжение, поднимаясь на второй этаж и выуживая со дна пиджака ключи от квартиры.

Я практически не чувствовала ног, оттоптав их в дурацких узких туфлях на каблуках, ужасно хотела спать, но понимала, что мне предстоит долгий разговор с Филом. Хотя... когда это Фил заморачивался долгими разговорами? Всегда как даст в репу, и собеседники тут же затыкались, моментально соглашаясь с его доводами.

Но я-то девушка, причем девушка Филя! Надеюсь, со мной он поведет себя иначе. Хотя... я

еще ни разу не попадала в такую ситуацию, чтобы обманывать его, не отвечать на его звонки и скрывать от него свои планы...

Телефон я так и не решилась включить, боясь увидеть то количество пропущенных звонков, которое заставит меня потерять остатки мужества и вынудит безропотно принять все упреки моего молодого человека. Но Фил не стал упрекать. Как оказалось, он человек действия, болтовня и словоблудие — не для него.

Свет зажегся, когда я шарила ногами под вешалкой, выуживая шлепку. Дежа вю прямо какое-то: второй раз за сегодняшнюю ночь кто-то поддавливает меня и неожиданно врубает свет. И если в первом случае мне посчастливилось лицезреть улыбчивую физиономию пенсионера Иосифа Виссарионыча, добрейшего человека, то сейчас меня сверлил мрачным взглядом высокий молодой человек.

Короткие черные волосы взлохмачены, видимо он успел вздремнуть, пока ждал меня, зеленые глаза полыхали праведным гневом, пытаюсь испепелить, красивые порочные губы кривились в злобной ухмылке. В общем, сердится мой красавец, как тут не понять.

Моя неуверенная улыбка осталась проигнорирована.

— Ты меня за баклана держишь? — первое,

что услышала я в конце моего длинного, богатого на испытания дня.

Снова попыталась робко и одновременно мило улыбнуться, но сама почувствовала себя жалкой.

Тут бы мне подойти к нему, обвить, как Лина, его шею руками и заговорить, увлекая в сторону спальни, но... Его вид и тон голоса напугали меня. Я не ожидала увидеть столько злости.

— Фил, прости, я...

— Еще скажи, телефон разрядился, — перебил он, продолжая стоять в дверях комнаты.

В спортивных брюках, с обнаженным торсом он выглядел как Аполлон. Как очень взбешенный Аполлон. Его могучие плечи и крепкие руки, прокачанный пресс и узкие бедра в любое другое время свели бы меня с ума, но сейчас я боялась его физической силы. Он пугал меня.

— Фил, пожалуйста, не разговаривай со мной так, — пролепетала я.

— Как? Как так? А как я должен с тобой разговаривать? — он стал наступать на меня, и мне в голову пришла дурацкая мысль, что лучше бы убежать. Дурацкая, она на то и дурацкая, что ее игнорируют. Хотя... что ни случается, все к лучшему. Выясним сейчас отношения, и все станет ясно.

— Дорогой, у меня был тяжелый день, я очень

устала, перенервничала, и если честно, я хотела бы...

— «Тяжелый день!» — с издевкой передразнил Фил. — Что, устала кувыркаться, а? Да? Устала? Ну скажи, скажи!

— Где? С кем? — опешила я.

— А это ты мне скажи, с кем, — он приблизился вплотную, и вдруг схватил меня за волосы.

Я только тихо ойкнула, но смолчала, надеясь, что он одумается и отпустит. Он же продолжать тянуть мои волосы вниз, запрокидывая мне голову.

— Я, по-твоему, м@дак, да? — шипел он мне в лицо с высоты своего роста. — Думаешь, из меня можно клоуна делать?

— Ты о чем? — прошептала я, изо всех сил сдерживая слезы. О чем он говорит вообще? Что за...

— Думаешь, можешь в открытую гулять от меня, и ничего тебе за это не будет?

Нет, он здоров вообще? Да я без ума от него! Прощаю ему грубость, пошлость и равнодушие, потому что тащусь от его глаз и фигуры, ведь он весь такой вкусный. Зачем мне еще кто-то? Я и так страдаю от своей зависимости от него, вот и следователь прокуратуры прицепился ко мне, но разве я могу выдать Фила, сделать ему плохо, подвести его? А мысль об измене вообще не

приходила мне в голову. Красивее парня я не встречала, и было бы даже смешно, если бы я только подумала посмотреть в другую сторону.

— С@ка, гулять от меня вздумала? — продолжать гнуть свою безумную линию Фил.

Нда, вот такой пердимонюкль... Интересно, скажи я ему про шефа и Ладогина, что было бы? Еще с утра я была уверена, что он как рыцарь помчится защищать мою честь, пусть и не совсем законным способом, а теперь... кто его знает. Теперь мне думается, что он и меня обвинить может, что я давала повод. А может, и усомнится в том, что я отказала им... Да, жизнь...

— Фил! — вскрикнула я скорее от страха, чем от боли. — Фил, отпусти, мне больно!

— Что? Больно? — он и не подумал убрать руку, лишь наклонился к самому моему лицу. Ни капли сострадания, будто не со своей девушкой разговаривает, а с какой-то тварью с помойки.

— Фил, что ты делаешь? Отпусти меня, и мы поговорим.

Он резко разжал пальцы, продолжая прожигать злым взглядом. Боже, за что?

— Говори, — процедил Фил, но глаза предупреждали, что он не поверит ни одному моему слову.

Нет, ну если это ревность, то он меня любит до чертиков, да. Но что-то подсказывало мне, что с

любимой женщиной так не обращаются.

— У меня случилась проблема, — проговорила я, отводя глаза: слишком тяжело смотреть на него сейчас. Я знаю о его вспыльчивом характере не понаслышке, но никогда еще не доводилось самой становиться причиной его бешенства. Это новое состояние мне очень не понравилось. В голове как-то сразу стало пусто, и я даже не знала, с чего начать, и стоит ли вообще что-то говорить. Зачем? Что он хочет услышать? Как я провела день? Или, может, мои сбивчивые сопливые признания о том, как я ему изменила и предала его? Или ему вообще нафиг не нужны мои слова, а он просто срывает на мне свою злость.

В эту минуту я почувствовала такое вселенское одиночество, что слезы, мгновенно выступив на глазах, прыснули в стороны, и я сильно заморгала, желая побыстрее их прогнать. Боже, как же все паршиво. Ну за что? Валька все детство издевался, внушая мне, что я дрянь и шваль, на работе сумасшедший год в борьбе за право на уважение, теперь вот Фил, мой красивый Фил... Я так любила его, так нежила и холила. Кормила разносолами, в квартире наводила уют, пытаюсь скрыть казенщину чужого жилья, в постели — все что хочешь, ну нравится тебе это — пожалуйста, и так, и этак, и плевать, что я устала и был тяжелый день, фигня, что завтра вставать в

пять утра. Мой мужчина хочет меня — как тут можно отказаться!

А сейчас получается, что я действительно какая-то шваль и заслуживаю только унижения и оскорбления.

— Что молчишь, давай, вещай, как провела день, как смеялась надо мной, забив на мои звонки, — Фил и не думал успокаиваться и как-то смягчать тон. — Давай, скажи, с чего ты взяла, паскуда, что с рогами я буду круче, а!

— Ты о чем! С ума сошел? — закричала я, не выдержав. Почему я всем должна что-то доказывать? Почему я должна орать что я человек — разве это не само собой разумеется, разве это не очевидно?

Мой окрик не привел его в чувство, как я ожидала, представив, как он вздрогнет, моргнет и вдруг весь преобразится, словно морок спадет, и он увидит, что мучает свою любимую девушку. Вместо этого он поднял руку и с размаху залепил мне пощечину. Да так хорошо залепил, у меня аж голова дернулась, и волосы, на мгновение взлетев вверх, упали на лицо.

После звонкого шлепка в прихожей воцарилась тишина. Он не желал говорить, я не могла. Так и стояла, усталая, голодная, перепуганная, униженная и избитая. Вот и итог дня.

Ты, Галка, просто чмо и фуфло, понятно?

Быдло и шваль, и с тобой только так и надо. Или... или это Фил быдло и шваль?

Я подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. Нет, он не сожалел об этом, нисколечко, и мой молчаливый упрек выдержал с насмешкой. Потом согнал ее с лица и снова вперил в меня свой мрачный взгляд.

— Если ты меня предашь, — проговорил тихо со злостью в прекрасно-зеленых глазах, — я тебя из-под земли достану и урою, поняла? Когда я звоню — берешь трубку. Куда-то идешь — отпрашиваешься у меня, чего-то хочешь — обращаешься ко мне, понятно? Не слышу ответа!

— Понятно, — прошептала я одними губами, но этого для него оказалось достаточно. Подробности дня и причины моего долгого отсутствия сразу как-то перестали его интересовать, он развернулся и пошел в комнату.

А я... я поплелась на кухню, плюхнулась на жесткую табуретку, сцепила пальцы в замок на коленях. Идти вслед за ним в спальню было страшно. Как я могу после такого лечь рядом с ним? Да он и не позволил бы, наверное: столько презрения, будто я человек второго сорта. Откуда только, и за что такое отношение? Сколько там у меня пропущенных звончков от любимого?

Да, пришлось, бедному попереживать — аж шестнадцать раз пытался выяснить, достаточным

ли уважением я к нему проникнута. Оказалось — не достаточным, вот и преподал мне урок. Так мне и надо, или нет? А может, мне надоело сносить удары судьбы! Может, я сама хочу научиться раздавать такие пощечины! А что, тварь я дрожащая или право имею?

— Эй, ты где? — донесся до меня уже практически сонный окрик моего любимого. — Иди спать, поздно уже. И водички захвати.

А я что? Я ничего, не начинать же боевые действия в первом часу ночи.

Так и лежала до утра, глядя в обшарпанный потолок под мерное дыхание Филадельфии, и думая о своей жизни. На что я готова ради этого человека, как далеко я могу зайти, защищая свою честь, и нужно ли сносить эти издевательства ради его красивого тела?

Тут надо серьезно подумать и взвесить все «за» и «против».

К утру я так ни до чего и не додумалась. Мысль о том, что я могу потерять Филадельфию, рвала мою душу и терзала сердце. Нет, я еще не насмотрелась на него, не надышалась. Но... нет, я не готова с ним расстаться!

Как только забрезжил рассвет, я сладко зевнула и повернулась на бок. Шок от поступка моего любимого мужчины, наконец, отпустил, да и усталость брала свое — я собиралась немного

поспать. Пусть у шефа будет время пережить всю гамму чувств от недоумения и изумления до гнева и бешенства, как только он окажется в своем кабинете перед моим заявлением на столе на самом видном месте и поймет, что я его обыграла.

Но моему желанию подремать и увидеть счастливый сон не суждено было сбыться. Филу надо было собираться по делам, и, разумеется, требовался горячий завтрак и чашка крепко заваренного чая, чтобы три ложки сахара были тщательно размешены.

Он разбудил меня с невозмутимым видом, и пока чистила зубы, я пыталась понять: вчерашняя сцена с мордобитием — это реальность, или просто сюрреалистическая картина, случайно возникшая в моем воображении из-за переутомления?

Я вглядывалась в его лицо, когда разогревала картошку с грибами, и пыталась заглянуть в глаза, подвигая чашку, от которой поднимался пар, но ничего не понимала.

Как ни в чем ни бывало, он уплетал за обе щеки мой завтрак. Единственное, что казалось странным, это его молчание. Он вроде и не игнорировал меня, и в то же время ощущение моей прозрачности и стеклоподобности ощущалось все больше, вгоняя в тоску. Дух уныния стал одолевать меня, и я ощущала, как между нами буквально по кирпичику возникает невидимая стена,

основательно затвердевая до состояния гранита.

Совершенно очевидно, что никто не собирается называть меня зайчиком и извиняться за вчерашнее безобразие. С тяжелым вздохом я присела напротив него, подперев щеку рукой, но так и не была удостоена взглядом.

— Фил, — позвала я осторожно, пробуя на вкус его имя и прощупывая почву для предстоящего разговора.

Какое, все-таки, неприятное это чувство — страх в ожидании новой оплеухи.

Фил, слава богу, услышал мой голос и лениво поднял голову, встретившись со мной взглядом.

— Чего тебе? — недовольно спросил он, не прекращая процесс поглощения пищи.

— Фил, а что вчера было? — произнесла я совсем тихо, обрисовывая указательным пальцем контур цветочка на скатерти.

Я опустила в этот момент глаза, и поэтому вздрогнула от резкого звука, когда Фил швырнул вилку на тарелку.

— Что, совсем дура? — рыкнул он, и я недоуменно вытаращилась на него. Что я опять сделала не так?

— Нет, я просто хочу понять, за что вчера огребла...

— За что? А ты не поняла? Тупая? Тебе все разжевывать надо, да? Могу и разжевать, — боже, а

голос такой злой. С пол-оборота завелся, блин.

— Если бы я была в чем-то перед тобой виновата, то, конечно, было бы понятно... — я пыталась воззвать к его совести, но мой мужчина был на другой волне.

— Еще раз поясняю, для слабоумных, — бесцеремонно перебил он меня и схватил за руку, на которую я опиралась щекой. — Еще одна такая выходка, когда я не знаю где ты, и что делаешь, и ты пожалеешь, что моя мать не сделала аборт тридцать лет назад, поняла?

Вот это да. Я в молчании хлопала ресницами, не в силах осознать степень опасности и глубину угрозы, только что прозвучавшей в мой адрес.

— Фил, меня уволили, я потеряла работу, понимаешь? Мне не хотят выплатить мою зарплату, а еще один мужчина на работе хотел...

— Ну что, что он хотел? Тебя хотел? — ощерился Фил, пропустив мимо ушей первую часть сообщения. — А ты, ему, скажешь, отказала? И где тогда до ночи пропадала? От него бегала?

— Все, я отказываюсь разговаривать с тобой в таком тоне, — я вскочила, вырывая руки из его жесткой хватки.

— А ну сядь, я сказал, — рявкнул он и поднялся вслед за мной.

Я постаралась устоять на тотчас же подогнувшихся ногах, и даже выдержала его

взгляд, и это его следка осадило. Как только он увидел, что я его не боюсь, он как-то быстро успокоился. Видимо, не видит смысла зря расходовать энергию, если это не дает нужного эффекта.

— Галка, ты девка что надо, этого у тебя не отнять, но ты моя, ясно? А я ни с кем не делюсь своим, это понятно? Если я узнаю, что ты меня наё@шь, я тебя живьем закопаю, поняла?

— Нет, не поняла. Вопрос можно? — спросила я, холодея. Блин, что-то произошло вчера, какая-то планета сошла со своей орбиты и вызвала целый катаклизм, его ударная волна достигла атмосферы и врезалась в мою ауру, разрушив мой мир в один момент. Мой мужчина орет на меня, унижает и угрожает, и даже не собирается извиняться за пощечину.

— Что еще за вопрос? Тебе еще чего-то не понятно?

— Да, кое-что, — проговорила я на грани терпения. Слезы были близко, но я изо всех сил сдерживалась, чтобы не показать ему всю глубину своей уязвленности. — Если мы расстанемся, могу я в таком случае, — я выделила «такой случай» голосом, — выбрать себе другого мужчину?

Фил молча смотрел на меня, словно не понял вопроса. Наконец, моргнул и отмер, ухмылка искривила его красивое лицо, но глаза оставались

ХОЛОДНЫМИ И ЗЛЫМИ.

— Если я захочу тебя бросить, — он также демонстративно сделал ударение на слове «я», — ты можешь делать со своим телом что хочешь, выбирать себе любого кекса и хоть сдохнуть под ним в его постели, ясно?

— А если я первая захочу тебя бросить? — я смело посмотрела ему в глаза, хотя внутри все клокотало от возмущения, которое пока только набирало силу и было еще далеко от того, чтобы вылиться на улицы и площади.

— Я мужчина, и будет так, как хочу я, поняла?

Больше не говоря ни слова, он развернулся и направился в прихожую. Что ж, он прав, он мужчина, я женщина, и его аргументы, элементарные и логичные для него, не обязательно должны таковыми являться и для меня.

Нет, я по-прежнему испытывала к нему сильное влечение, и переживала по поводу нашего «разногласия», с ужасом думая о том, что, дав трещину вчера, наши отношения могут теперь только разрушаться, но не наоборот.

Закрыв за любимым дверь, я поймала себя на чувстве облегчения, словно с его уходом смогла, наконец, дышать свободней.

Что ж, теперь я могу спокойно поспать, а потом позвонить дорогому Михаилу свет

Юрьевичу. Да и не сказать, чтобы уж очень дорогому, если честно. Каких-то одиннадцать тысяч, господи! Было бы из-за чего спорить.

Так, иронизируя и саркастируя, я добралась до постели, еще не остывшей с момента моего вынужденного подъема, и бухнулась в нее прямо в спортивных штанах и футболке. От Филиной подушки пахло одеколоном, и я вжалась в нее лицом.

Мне бы заснуть, отдохнуть, но сон, как по закону подлости, куда-то убежал, оставив на растерзание сомнениям и переживаниям, черными коршунами налетевшим на меня.

Сейчас главное — разобраться с рабочими делами. Или это второе, а главное — решить, как быть дальше с Филом? А как тут быть и что тут решать, разве у меня есть выбор? Этот эгоист и до мозга костей собственник не даст мне права самой управлять своей судьбой. И что же в таком случае мне делать? Если я решусь уйти от него — сколько мне еще придется прожить с ним, пока он решит, что я ему надоела и от меня пора избавляться?

И чего тогда стоит вся моя жизнь, если такие вопросы за меня определяет другой человек? Чем тогда я отличаюсь от какой-нибудь марионетки или невольницы?

И главная мысль, что сейчас дятлом добилась мне в мозг: если Фил еще раз поднимет на меня

руку, должна ли я буду опять стерпеть, или у меня появится моральное право дать сдачи?

Валька хорошо научил меня в детстве: вступай в драку, только если уверена, что сможешь ее окончить и остаться невредимой. Первый его урок заключался в том, что, плюнув ему в лицо, не в силах больше выслушивать его измышательства и оскорбления, я была схвачена, брошена на кровать с заломленными за спину руками, и оплевана его поганой вонючей слюной.

Тогда-то я и услышала тему первого в своей жизни урока. Когда у Вальки пересохло во рту, он медленно сполз с меня, и с победным блеском в глазах процедил эту истину: «Не вступай в бой, если не уверена в своих силах». Мне было десять, ему четырнадцать.

С тех пор я всегда сперва коплю слюну для ответного действия. Но готова ли я драться с Филом? Нет, ни морально, ни тем более, физически. Но и ходить с фингалом под глазом или подбитой губой я не собираюсь. Не для того я выжила, пройдя Валькину школу.

Промучившись минут тридцать, ворочаясь так, что скомкала и простыню, и одеяло, я, наконец, вскочила, чтобы найти свой мобильный.

А чего тянуть-то, надо сделать дело, разбить все гордиевы узлы и освободиться от домоклова меча неуверенности в правильности моего

поступка. Пора разделаться с чувством моральной вины от того, что я преступила закон, выкрыв важные документы в фирме, к которой сама же сделала себя непричастной.

Ах, какая удача, что мой телефон за ночь действительно успел разрядиться, в чем еще вчера меня упрекал Фил, и гневные звонки моего бывшего (ах, какое сладкое слово!) начальника не беспокоили до тех пор, пока я не оказалась готова к разговору с ним.

Но я не стану ему звонить, неееет! Я вчера наслушалась такого, что мне хватит.

Вернувшись в спальню, поставила телефон на зарядку, и стала продумывать текст смс-ки, которую отправлю ему. Надо быть краткой и лаконичной, что так уважает небезызвестный Антон Палыч Чехов, ни к месту, кстати, упомянутый.

Когда набежало пять процентов, я включила телефон и отправила сообщение с адресом и временем встречи, а также не забыла упомянуть, что получить ценную папочку по СРО он сможет, лишь захватив с собой одиннадцать тысяч.

И снова отключила телефон до момента встречи в Самсоновском парке.

ГЛАВА 7. Утром — деньги, вечером — стулья

Я, конечно, девушка наивная, в том смысле, что у меня нет опыта в делах такого рода, как шантаж и вымогательство, но фильмов на своем веку я посмотрела предостаточно, чтобы догадаться пойти на встречу без папки.

Поэтому я доехала до речного вокзала, в большом просторном зале спустилась по эскалатору на цокольный этаж, прошла по длинному пустынному коридору с мигающим освещением в сторону камер хранения и выбрала самую дальнюю, в укромном закутке. Положила дрожащей рукой папку в ячейку, захлопнула дверь и набрала дату своего увольнения. Это и будет шифром. Ну прямо как героиня шпионского триллера, ей-богу! Именно так в этот момент я себя и чувствовала.

После этого купила слойку с малиновым вареньем и направилась неспешным шагом в сторону парка. От речного вокзала до Самсоновки спокойным ходом минут пятнадцать, не больше. Правда, я уже запаздывала на десять минут, ну так пусть шеф поволнуется, попрыгает и побесится. Не только мне переживать неприятные минуты и моменты горького разочарования.

Что? Я мстительная, да? Ну конечно, мой поступок нельзя назвать благородным мщением, но не зря ведь народ заметил, что несчастный, живущий в одном лесу с волками, и сам со

временем переходит на вой как способ общения с хищниками.

Высокую фигуру шефа заметила издалека. Сунув руки в карманы брюк, мужчина нервно расхаживал взад-вперед недалеко от центрального входа в парк. Крепкий, видный, красивый такой мужчина. А еще — подлый и несправедливый с теми, кто не разделяет его взгляды и не дает то, что ему приспичит. Не видя лица на расстоянии, я все же безошибочно заключила, что он в бешенстве, по тому, как резко он разворачивался и как печатал шаг, грозя сбить любого, буде несчастный замешкается и неосторожно встанет у него на пути.

Я накинула на голову капюшон толстовки и, глубоко вздохнув, направилась прямо к нему, к Михаилу свет Юрьевичу. Практически, на Голгофу.

— Добрый день, — тем не менее, мелодично пропела я, когда он был ко мне спиной. Всем своим видом я старалась показать невозмутимость и спокойствие, уверенность в себе и в том, что я делаю.

Шеф молниеносно обернулся и вперил в меня свой злобный взгляд.

— Сорокина, ты соображаешь, что делаешь? — услышала я его голос. Спасибо что не набросился и не принялся кусать, потому что взгляд такой, будто его жизнь зависит от того, насколько быстро он меня загрызет.

— Я требую справедливости, — произнесла я терпеливо.

Ему-то не обязательно знать, как трясутся у меня поджилки, и какая пустота разлилась в моей непутевой голове в этот практически исторический момент.

— Ты понимаешь, что своим пребыванием на свободе ты обязана только моему великодушию? — прошипел добрейший на земле человек, продолжая испепелять меня презрением. — Один мой звонок — и здесь было бы полно Стражей. Они бы поговорили с тобой о ночном проникновении и краже, уж ты бы у них попрыгала. А я бы посмотрел.

Ага, размечтался. Я напустила на себя равнодушный вид и произнесла спокойным тоном, будто его реакция несколько меня не заботит:

— Верните мне то, что я заработала, и я больше ничем о себе не напомню, обещаю.

— Ни черта ты не заработала! — вскричал мой славный шеф.

Это меня обидело. И разозлило. Если до этой минуты я испытывала муки совести и неуверенность в правильности моего поступка, то теперь решила отомстить ему не по-детски.

— Михаил Юрьевич, — говорю так спокойно, но со значением глядя на него, — вы не захотели оплатить мне месяц моих усилий, хотя видит бог и

вон та тетенька в билетной кассе, не сводящая с нас своего любопытного взгляда, что я давала вам такой шанс.

Шеф молча наблюдал за мной, пытаюсь сообразить, что же я задумала. И я не стала мучить его неизвестностью.

— Теперь я требую пятьдесят тысяч, — выпалила я, даже не моргнув ни одним глазом.

Шеф промолчал только потому, что ему не хватило воздуха. Он расстегнул пиджак и ослабил узел галстука. Уверена, эти маневры преследовали только одну цель — он продумывал ответный ход. А мог он только одно: орать и угрожать, оскорблять и унижать. Именно к этому я и приготовилась, но он удивил меня.

— Что, нравится, когда пляшут под твою дудку, а, Сорокина? — произнес он неожиданно тихим голосом, словно шарик сдулся, и сил на бурную реакцию не осталось. — Мечтаешь управлять людьми? Полагаешь, что можешь безнаказанно манипулировать обстоятельствами, и тебе за это ничего не будет?

— Но вам же ничего не было за оскорбление моей чести, — также тихо возразила я. Ну не справедливо он меня обвиняет! Никогда и никому я ничего не навязывала. Тихо делала свою работу и ждала в ответ элементарного уважения и признательности в размере оклада с плавающей

премией. Никогда я не претендовала на какое-то особое отношение, думая о себе вполне скромно, а он такое выдал.

— А нечего было крутить хвостом, — а, это он так попытается перевести стрелки и выставить именно меня домогательницей? Ну нет, вам эфира не давали, верните микрофон на место!

— Лучше присмотритесь к Ладогину, — перебила я его резко. — Может, он хороший зам и вполне квалифицированный работник, но мразь отменная. Лично я плевать хотела на то, какой он козел, но, думаю, не все девушки в вашей организации поступят так же, если он продолжит давать волю своим ручонкам. Как бы ему их не обломали, и как бы он вас за ваше попустительство под монастырь не подвел, если кто-то пожалуется на него в отдел нравов за сексуальное домогательство.

Шеф выпучил глаза, делая вид, что впервые слышит об этом. Что ж, пусть тогда скажет спасибо, что я вовремя просигнализировала. А то плавает в своей злобе, как шкварка в жире, и не видит, что творится у него под носом.

— Ладно, с этим я без тебя как-нибудь разберусь, — буркнул Михаил Юрьевич, — ты лучше скажи, что означает твоя бумажка у меня на столе. Я, кажется, тебя не увольнял, что это за самодеятельность?

Ах, какой ласковый и заботливый, прямо мать родная. Спасибо, конечно, но запоздало, ага.

— Вы может, и не увольняли меня, — говорю, — но ясно дали понять, что собираетесь обокрасть, и я отчетливо помню, как вы пригрозили мне ложным позором и унижительной статьей в трудовой книжке, если я только сунушь куда-нибудь в попытке защитить свои поправные права.

Шеф дернулся, словно новый порыв вакуума на мгновение закупорил у него все поры. Ладно, подержайся немного и попучеглазься, милый. Разве я не заслужила такого зрелища?!

— Сорокина, ты что-то путаешь, — сдавленным голосом произнес шеф.

— Правда? Тогда, полагаю, вы готовы расплатиться со мной прямо сейчас? Как и уговаривались?

— Ты много на себя берешь, — рявкнул вдруг он. — Лично я с тобой ни о чем не договаривался. Ты нагло вломилась в мой офис, навела там шороху. Я вообще могу заявить, что у меня пропали важные документы и банковская печать, и Иосиф Виссарионыч подтвердит, что ты была последней, кто находился в офисе на момент кражи.

Я дрогнула, но не собиралась сдавать своих позиций.

— Последний, кто был в офисе, это сам любезный Иосиф Виссарионыч, — промурлыкала я,

глядя, как округлились от изумления глаза моего бывшего шефа. — Когда я покидала территорию фирмы, он закрывал двери. А уж закрыл он их, или вновь открыл, я этого не знаю, потому как ушла, — с достоинством и апломбом заявила я.

Конечно, все это была фигня, мое слово против слова шефа и кладовщика, но я знала, что меня просто тупо берут на понт, разводят и запугивают. Да пожалуйста! Только мои деньги отдайте, и развлекайтесь, пожалуйста, а я вам согласна даже подыграть.

— Итак, — думаю, не стоит больше терять время даром, — документы, которые я бесплатно собирала для вас последние два месяца — у меня, — я выдержала мхатовскую паузу, и поскольку, человек напротив меня копил силы для ответного удара, продолжила. — У меня ваша папка, у вас мои деньги. Совершим обмен, или будем искать справедливости у Стражей?

Пусть подумает о том, что мне тоже есть что сказать блюстителям закона, пока он будет лгать им в глаза и заниматься клеветничеством.

— А ты не думаешь, что в офисе полно копий, сканов и дубликатов? — попробовал рыпнуться Михаил Юрьевич, и я заподозрила, что дело тут не только в жадности, и даже не в ней вообще, а в принципе. Уступить мне он не мог ну никак. Нда...

И кстати, об этом я не подумала. Уничтожив

все, что указывало лично на меня, я совершенно не подумала о том, что собранные мною документы, мною же старательно отсканированные, хранятся в моем компе! И трудов будет только: распечатать сотни этих листов и по новой заверить у нотариуса.

Но терять мне было нечего, кроме моей зарплаты, и, напустив на себя загадочный вид, со всей возможной иронией, я произнесла нараспев:

— Бедный Михаил Юрьевич, какой же вы наивный... Неужели вы полагаете, что я так плохо подготовилась к нашей встрече? Что, по-вашему, я делала вчера в офисе? Правильно, чистила компьютер, — ага, имею право врать: я обиженная сторона.

Судя по вытянувшемуся лицу, шеф об этом не подумал, и в мой компьютер точно не заглядывал. А если бы и заглянул, то не сразу нашел бы искомые документы, ох не сразу. В моих папках только я ориентировалась безошибочно, но их количество и градация сбили бы с толку любого непосвященного человека.

— Пятьдесят тысяч? — проговорил шеф с каким-то непередаваемым выражением ненависти на гладко выбритом лице.

— Я пошутила, — не моргнув глазом, ответила я. — Я вас прощаю, и жду только свою честно заработанную зарплату за вычетом аванса. Одиннадцать тысяч.

— Ох, Сорокина... — мужчина глядел вдаль поверх моей головы, словно читал мое будущее в дымке над горизонтом, и увиденное его удручало.

— Итак? — поторопила я его.

Шеф громко вздохнул и мрачно посмотрел на меня.

— Допрыгаешься ты, Сорокина, — проговорил он тоном первоклассного мага-предсказателя, учителя самого Глобы, — отольются тебе мои слезы.

И это говорит мне извращенец, третиравший меня на протяжении года лишь за желание сохранить свое достоинство и честь?!

Я молча ждала. Ждала, когда же он, наконец, поступит благородно и справедливо, пусть и под нажимом, не без моего старания. Все в этой жизни приходится делать самой, и даже таким вот не совсем честным способом выцарапывать свою заработную плату.

— Я отдам вам папку, в целости и сохранности, — проговорила я, вдохновляя его на благородный поступок и, практически, соблазняя поступить именно так. — И вы сэкономите пятьдесят тысяч, пользуясь моей наивностью, — я же не серьезно про этот гонорар, а он что, повелся?

Какое-то время мы стояли друг напротив друга и молчали, и вот, наконец, я увидела, как дрогнула его рука, потянулась к нагрудному

карману стильного пиджака, как показались на свет божий две красненькие пятитысячные купюры.

Он демонстративно повертел их в руках, словно дразня меня. И если он ожидал, что я буду жадно цепляться за них взглядом, облизывая пересохшие губы, как страждущий в пустыне, то он немного промахнулся.

— Не хватает одной тысячи, — равнодушно заметила я. Так ему, деньги счет любят. А он пусть не прикидывается двоечником, считать прекрасно умеет, а тратить — еще лучше. Уж мне ли не знать, его личному секретарю, страстно им ненавидимому и отчаянно гнобимому.

— Галя, — надо же, мое имя вспомнил! Может, еще блеснет и знанием моего отчества? Ну-ка, посмотрим! — Галя, мы могли бы решить все по-другому.

— По-другому — это как? Вышвырнуть меня на улицу, не заплатив и с волчьим билетом? — я не злопамятная, но его вчерашние угрозы могли оказаться не пустыми словами, и я не собиралась рисковать и испытывать степень их правдивости.

— Михаил Юрьевич, — я сделала шаг к нему, — за что вы меня ненавидите?

Он совсем не удивился такому вопросу. Только сделался мрачным и в глазах снова зажегся холодный огонь.

— Не надо было делать из меня дурака, не

стоило унижать меня и полагать, что мне понравится такое обращение, — вот это да! Это я-то из него дурака делала? — Думаешь, твоя гордыня и спесь прибавят тебе очков? Да ты просто дура, и никто добровольно к тебе под каблук не полезет, поняла?

Вообще-то, я не поняла ничего, но продолжать эту тему не хотела. Я надеялась, что он хотя бы извинится напоследок, а он, похоже, собрался устроить разборки. Мне это совершенно ни к чему, все уже закончилось.

Шеф между тем достал еще тысячу и поднял деньги над головой.

— Папку! — потребовал он властно, протянув ко мне свободную руку.

Я улыбнулась. За дурочку меня держит?

— А все-таки вы у меня под каблуком, Михаил Юрьевич, — проговорила я с улыбкой и увидела, как шеф покраснел. Этот оттенок был мне знаком: шеф в тихой ярости.

Хотя, для разъяренного быка он сейчас на удивление тих. Обычно, когда он бывает в таком состоянии, не важно кем доведенный, заказчиками ли, сокращающими срок договора, или подрядчиками, потерявшими материал на крупную сумму, в выражениях он не стесняется, используя не только могучий и великий, но и поминая богов скандинавского эпоса и древней Греции.

Телефонная трубка в его руках раскаляется до красна, и в воздухе летают пух и перья. А мои бедные ушки привычно сворачиваются в трубочку.

Сейчас же он молчал, и только вид у него был такой — ща ударит! Этого мне только не хватало! Надо выправлять ситуацию.

— Михаил Юрьевич. Неужели вы думаете, что я такой наивный ребенок, что позволю вам вырвать у меня из рук папку и убежать с ней, не заплатив?

— Что? — взревел мой бывший шеф. — Сорокина, ссс... да ты ж... да я тебя... да что... — он старался, я видела, он сдерживался изо всех сил, чтобы не сказать мне, что он на самом деле обо мне думает и какой меня видит в ультрафиолетовых лучах.

— Вы отдадите мне мои деньги, — я упорно делала акцент на слове «мои», — а когда я сяду в троллейбус, узнаете, где ваша папка.

— Сорокина! — ему становилось плохо прямо на глазах. Я читала на его лице диагноз моей мозговой деятельности, но мне было все равно, мне нужны были гарантии. И я продолжала гнуть свою линию. — Так что отдайте, пожалуйста, мою зарплату, и разойдемся. И не бойтесь, я вас не обману. Никогда этого не делала. Я вообще служила вам верой и правдой, даже терпя от вас унижения и оскорбления, и никогда не сделала

ничего такого, за что мне было бы перед вами стыдно.

— Ну да! Ну конечно! И вчерашнее проникновение в опечатанный офис тому подтверждение! — возмущенно вскричал шеф.

— Вчерашнее проникновение — вынужденная мера, ответное действие на ваше заявление. У меня просто не было выбора, вы мне его не оставили, — произнесла я тихо.

Ему не понравилось, что во всем я умело обвинила его, свою вину он признавать не собирался, а мне, если честно, сейчас уже было по барабану. И я также демонстративно протянула руку ладонью вверх, чтобы ему удобней было положить на нее яблоко нашего раздора.

Человек, пребывающий на грани нервного срыва, но упорно пытающийся держать себя в руках в людном месте, скомкал вдруг деньги и швырнул их мне под ноги.

По силе действия это оказалось сравнимо с пощечиной. Из моих глаз мгновенно брызнули слезы. Он оскорбил меня. Я попросила только свое и ни копейки сверху, а он ждет, что я буду ползать по земле и униженно собирать готовые разлететься смятые бумажки?

Через мгновение, взяв себя в руки, я развернулась, и медленно направилась в сторону троллейбусной остановки.

— Ты куда? — окликнул меня мужчина.

Я не ответила, и он последовал за мной.

— Сорокина, стой, вернись, — требовал он, а я даже не посмотрела, собрал ли он деньги, или они так и остались в пыли.

Что ж, как-нибудь, проживу и без них. Фил, конечно, не позовет меня к себе — у него и нет своего постоянного угла, а если и есть, он держит это в секрете, предпочитая отдыхать на моей территории. Деньгами он меня не забрасывает, золотом не одаривает, полагая, что его собственной персоны для меня достаточно, и это уже само по себе хороший подарок для меня, так что ничего не остается, как вернуться домой.

Дом... А был ли у меня когда-нибудь дом? Был, конечно, когда-то очень давно. Но однажды, пятилетней девчонкой под руку со своим дядей и с маленьким чемоданом в ручонке, я перешагнула порог его жилища, и это слово потеряло для меня свой истинный смысл, и я так до сих пор его и не нашла...

Так, главное — не жалеть себя. А то превращусь в тряпку, раскисну как бездорожье, и самой будет противно на себя смотреть. Лучше схожу куда-нибудь... блин! Даже не на что посидеть! Даже чашку кофе теперь лишнюю не купишь.

Что же, пока еще квартира, в которой я

обитаю, числится за мной, вернусь туда и займусь поисками новой работы.

В этот момент я даже забыла о существовании такого человека как мой шеф, когда он напомнил о себе, дернув меня за плечо.

— Какого... — я резко обернулась, готовая дать отпор, когда увидела растерянность в его глазах. Мимолетным облачком она мелькнула в зрачках и растаяла на теплом ветерке.

— Вот твои деньги, давай, говори, где папка, — произнес он устало, давая понять, что весь этот балаган его страшно утомил, а сам попутно засовывал мне в карман разглаженные купюры.

— Езжайте на речной вокзал, — произнесла я и снова отвернулась, намереваясь продолжить свой путь.

— Сорокина! — взревел шеф. — Это ты меня так витиевато послала, да?

— Нет, там ваша папка, — не оборачиваясь, буркнула я, стараясь сдержать улыбку.

— Бить тебя некому, — последнее, что я услышала от своего бывшего работодателя. — Жду звонка, — и он зашагал в противоположную сторону, к своей тачке.

Решив, что на сегодня с меня достаточно его голоса и негативной энергии, я послала ему шифр смс-кой, как только уселась на свободное место,

прижавшись виском к дребезжащему стеклу.

Что же, вот и пришло время перевернуть очередную страницу своей жизни, чтобы начать новую. Эх, знать бы, что ожидает меня в будущем... Ничего, прорвемся! Я оптимист, и этой здорово.

ГЛАВА 8. Леди или цветочница?

На своей остановке я решила заскочить в магазин и купить маленький торт: начну прямо сейчас отмечать свою нелегкую победу (все-таки, практически, пули свистели над моей бедовой головой, пока я добывала свои документы и рычаг давления на нечистоплотного работодателя. И в ночи кралась, и в закрытое здание проникала, и попала, если честно, но ловко выпуталась и добилась-таки своего!), а вечером позову к себе Пчелку. Она любит сладости и обожает вечеринки. Есть друзья, которые вместе пуд соли съели, ну а наша с Пчелкой дружба измеряется килограммами пирожных и других кондитерских изделий.

Ни одни наши посиделки со времен учебы в универе не обходились без сладостей, и любая попытка поделиться новостями всегда служила поводом отведать что-нибудь сладенькое. Будь то фееричное знакомство с «необыкновенным парнем» или расставание с «этим козлом» — не важно!

Повод для нас никогда не имел значения, пока на свете существовали штрудели с яблочной начинкой, или эклеры с заварным кремом, или... да чего только не было, мы все, буквально все стремились попробовать, и делали это с удовольствием!

Только Пчелке пришлось заплатить за это великую цену — ее вес с годами стал расти, но пополневшая грудь примирила ее и с раздувшимися объемами ниже. А на мне будто воду по ночам возили, как говорила Пчелка — не в коня, видно был корм, и я как была худышкой, так благополучно ею и оставалась.

И тут, вместо того, чтобы войти в двери супермаркета, приветливо раскрывшиеся передо мной, я остановилась в замешательстве. Черт, это что же получается, чтобы покутить со своей древней подружкой, мне теперь нужно спросить разрешения у Филя? Не будет ли он так любезен милостиво разрешить мне пригласить подругу к себе в гости, в дом, за который плачу я, из своего, заметьте, кармана, в свою очередь также любезно разрешаю в нем ночевать своему суровому на ласку любовнику? Вот же ж!

Или это не тот случай, когда мне нужно отпрашиваться? Может, это пустяки, по которым Филя как раз беспокоить и не стоит? Блин, наверное, ему стоит предоставить мне список тем и

мероприятий, требующих его царского разрешения!

От невеселых размышлений меня отвлек какой-то... Засранец! Я, конечно, не выкрикнула это вслух, но от осязаемого щипка за мягкое место подскочила от неожиданности.

— Стоять прямо на пороге — намеренно дразнить прохожих, — прошептал он мне весело.

В отражении давно закрывшихся перед моим носом стеклянных дверей я увидела мужчину, наклонившегося со спины к моему уху.

Я медленно повернула голову и смерила его недовольным взглядом, добавив в него как можно больше презрительности. Мужчина выглядел на удивление приличным, гладко выбритый и благоухающий каким-то одеколоном с ярко выраженными цитрусовыми нотами, но вел себя как... как тот самый засранец.

Я решила ничего не говорить, чтобы погасить, так сказать, в зародыше свой гнев и не раздувать скандал, потому что этот зас... мужчина вызывал подозрение готовностью к еще одной провокации. По крайней мере, его глаза смеялись, и ситуация его забавляла.

Расправив плечи и подняв голову, я гордо прошествовала в торговый зал, больше не удостоив наглеца взглядом, а спиной чувствовала, как мужчина старательно прожигает во мне дыру. Ну каков наглец!

Где был кондитерский отдел, я знала без подсказок, и сразу направилась туда. Вид открывшихся красот заморозил меня, и я ходила мимо прилавков и полок открытых холодильников, любуясь красотой и изяществом представленной продукции, когда опять столкнулась с тем самым провокатором, любителем женских попок. Он молча стоял у меня на пути и улыбался, ожидая, когда я с ним поравняюсь.

— Мужчина, не доводите до греха, — прошипела я, не собираясь останавливаться, и с деланным интересом принялась изучать ценники на тортах.

— Такая женщина стоит того, чтобы потерять право на место в раю, — произнес он вдруг удивительно мелодичным голосом и посмотрел на меня так... что жаркая волна окатила меня с ног до головы, заставив покачнуться. Вот же ж...

Все в нем было таким противоречивым, и его внешний вид и голос никак не вязались с тем, что он творил, а речь была поставленной и вполне себе приятной. Что за фигня! Что ему надо? Ведь не снять же «девочку» в гастрономическом магазине он решил, а?

— Я не такая! За кого вы меня принимаете, что вы себе позволяете, — между тем неожиданно для себя подыграла я ему. Зачем я это делаю? Почему вступаю с ним в полемику?

Может, это что-то во мне назло Филу желает быть свободным и неподвластным контролю? Но не разнузданность же это, а? Или Фил был прав, и я порчу его репутацию?

Я не нимфоманка, и не позволяю себе ничего лишнего. Я вполне преданная своему мужчине женщина, но, видимо, кокетство у меня в крови, впрочем, как и у любой другой девушки. В этом нет ничего плохого: услышать комплимент и расцвести, расправить плечи и сказать что-то этакое, тряхнув головой и стрельнув глазками. Надо видеть Пчелку, когда на горизонте появляется двуногий гомо сапиенс мужеского пола!

От комплиментов мы расцветаем. Они нужны нам, как кошке ласка, без которой высыхает ее позвоночник. Вот и мы высыхаем без внимания. Если Фил и дальше будет вести себя так, как вчера, я вообще завяну и... Может, сейчас я неосознанно, не давая себе в том отчета, пыталась подпитаться, так как вчера жизненная сила вытекла из меня через образовавшуюся трещину в энергетическом сосуде?

— Вы позволите мне угостить вас? — мужчина красноречиво обвел смеющимся взглядом все эти полки, рядом с которыми я умирала от дилеммы, на что потратить деньги. Кажется, он меня уже просчитал.

Но я не могу... ведь тогда по негласному жизненному закону мне придется «угостить» его. Я

за сладкое не продаюсь, и вообще, это уже перестает развлекать меня. Одно дело ни к чему не обязывающие слова, и другое — переход к действиям, которые потянут за собой возможные последствия.

Я не ханжа и не циник, но мужчина, желающий купить торт незнакомой девушке, не искренен! Руку готова дать на отсечение, но, только левую. Так, на всякий случай.

— Благодарю, но вообще-то я льщу себя надеждой, что выгляжу вполне так респектабельно, — процедила я, вмиг посерьезнев. — По крайней мере, платежеспособной.

Наглец лишь весело и громко рассмеялся. Видно, он привык уламывать женщин, и любит это дело, даже, возможно, именно сам процесс, больше, чем его конечный результат. Хотя, кто его знает, чужой мужик — потемки.

— И все же, позвольте мне угадать, что сможет вызвать блаженную улыбку на вашем лице, — проговорил он, уверенно направляясь ко мне, чтобы заняться осмотром представленных тортов.

— Хорошо, — ожила я, — тогда вы пока подбирайте торт, а я тут, рядом, по соседству, — и показала рукой на вывеску под потолком, указывающую направление в винно-водочный

отдел, намекая тем самым, что не прочь купить нам чего-нибудь сухого или полусладкого.

Мужчина неожиданно пристально и серьезно посмотрел мне в глаза, но меня прочесть не так-то просто, когда я этого не хочу, и кивнув, обернулся к тортам, я же потопала по указанному направлению, пробежала мимо бесконечных рядов бутылок, бутылочек и прямо-таки произведений искусства, и напрямик устремилась к выходу из магазина.

Ну, нафиг, мне еще только этого павлина не хватало на мою несчастную голову. Надо же, среди бела дня... решил мне торт подарить. Каков наглец, а!

Я энергично шагала в сторону дома, представляя себе физиономию незадачливого Дон Жуана, когда выяснится, что мой след в магазине давно простыл, когда неожиданно громкий автомобильный гудок, раздавшийся прямо у меня за спиной, снова заставил меня вздрогнуть и подпрыгнуть. Это моя особенность: слишком бурно реагирую на громкие звуки вопреки своим желаниям и против воли.

Оказалось, от этого зас... интересного мужчины не так-то просто отделаться. Это оказался именно он! Догнав меня на заморской тачке, он сбросил скорость и поехал вровень со мной. Я шагала по тротуару, а он ехал у самой его кромки.

Опустив окно со стороны пассажира, он

призывно свистнул.

— Куда же вы убежали, милая девушка, — с веселым упреком пропел он.

Нет, я ни на секунду не поверила в свою сказочную неотразимость, на этот счет я рассуждаю вполне здраво!

Я, конечно, не урод, и вполне своей внешностью довольна, лично мне все нравится, но это не значит, что и другим тоже! Нет, можно, конечно, носик бы подправить, чуть загнуть кверху (курносые носы — моя слабость), подбородок сделать поострее, ага, скулы бы я приподняла немного, и разрез глаз чуть-чуть бы изменила, сделала бы их не такими круглыми. В общем, все как у всех. С косметикой — краса неземная, без — обычный человек.

Да и одета я сегодня не по офисному: узкие серые джинсы, толстовка с капюшоном, высокие ботинки и рюкзак — какая- уж тут «леди для съема». Что ему нужно от меня?

— Вообще-то, мой парень — боксер, — сказала так просто, не для того, чтобы поугатать его. Чисто для справки, чтобы потом не обвинял меня в укрывательстве жизненно важных сведений.

— А я — тренер по боксу, — не моргнув глазом, выпалил этот самодовольный «прилипала».

Ню-ню, посмотрим, какой ты тренер, когда моего Фила увидишь. И тут я похолодела. Ой, а

если Фил опять разбираться не станет, и меня под одну гребенку с этим... тренером, блин?

— Послушайте, — я остановилась и дождалась, когда мужчина затормозит и чуть сдаст назад, чтобы быть со мной на одном уровне. — Послушайте, многоуважаемый тренер по боксу, — вежливо произнесла я, сохраняя терпение.

Вместо того, чтобы помочь мне его сохранить, мужчина вдруг наклонился куда-то, и быстро поднял в окно торт, чтобы я его увидела. Самый красивый и дорогой, какой только был в том магазине. Ну а как же: для таких размер всегда имеет значение. А правильно, чего заморачиваться-то, все они считают, что чем больше и вычурнее, тем круче, ага. Только вот я не люблю безе и орехи. Они застревают в зубах, и потом больно жевать, пока не выковыряешь, а это создает дискомфорт и портит впечатление от процесса поглощения сладостей.

— Как вам угощение? — перебил меня «тренер».

И ведь не догадывается, что ему придется съесть это в одну харьку. Ничего у него не слипнется?

— Не в моем вкусе, — бросила я сухо и снова зашагала вперед, мрачно думая о том, что по закону всемирной подлости в мире, ополчившемся против Галки Сорокиной, Фил может появиться здесь ну в

любую минуту!

— Можно купить другой, — мужчина легко нагнал меня и снова поехал рядом.

— Вы не в моем вкусе, — бесцветно пояснила я.

— Ну, это исправить еще легче, — улыбнулся мужчина, ничуть не обидевшись. — Стоит мне вам что-нибудь спеть, или прошептать на ушко, и вы сразу поменяете свое мнение, — пообещал он. — Ведь не во внешности же дело, — добавил загадочно.

— А в чем? — я не удержалась, и с интересом обернулась в его сторону. Лицо как раз вполне приятное, с правильными чертами, на вид лет сорок, карие глаза, черные волосы, аккуратная прическа. Этакий «белый воротничок». Хотя, ничего особенного и запоминающегося.

— В отношении к женщине, — проговорил он, гипнотизируя меня ставшими в миг темными глазами, да так удачно, что у меня мурашки по всему телу побежали.

Вот ведь какой... загадочный тренер. И ведь все правильно говорит. Я же только несколько минут тому назад размышляла о комплиментах, необходимых мне как воздух, нежных словах и отношении, которое дает уверенность и вдохновляет на что-то, да на все, на все вдохновляет.

Я, когда только влюбилась, и Фил только-только стал оставаться у меня на ночь, с такой любовью стирала его трусы и носки, с таким обожанием гладила его рубашки, с таким мазохизмом начищала квартиру — за одну его улыбку, за одно только «малыш» горячим шепотом, за... Стоп, хватит мечтать, а то покраснею как свекла от сладких воспоминаний.

— Откуда вы знаете, что нужно именно мне? — буркнула я. — Или вы полагаете, что все мы одинаковы, одним миром мазаны и, заведенная схема, так сказать, осечек не дает и накладок не производит?

— Вовсе нет, — опять перебил меня мужчина, и опять мягко, и ненавязчиво. — Нет ни одной похожей женщины, это так. А что нужно каждой — подскажет она сама, ее глаза, ее тело, ее дыхание, — нет, ну он просто заморозить меня хочет!

Такое ощущение создалось, что он уже давно стоит передо мной, и дышит мне прямо в лицо, и мне даже показалось, что я ощутила его горячие ладони на своих лопатках. Что за бред!

Я даже головой тряхнула. Он это заметил и рассмеялся, словно это и было подтверждением его слов.

— Что ж, рада за вас, — произнесла я, взяв себя в руки и усиленно гоня от себя такое сильное и

живое впечатление. — Тортик подарите кому-нибудь еще, чье тело будет вам благодарно и окажется настолько же болтливым, насколько вы профессиональны.

— А вы...

— А меня уже ждут, — проговорила я, и мое сердце оборвалось, потому что впереди виднелся мой дом, и у подъезда стояла знакомая машина, и мой любимый как раз вышел из нее, чтобы приложить ко лбу ладонь и без помех разглядеть странную картину: его девушка неспешно прогуливается в сопровождении незнакомого типа на машине. Ну просто классический случай, когда не убить невозможно.

Я решительно остановилась и развернулась к Дон Жуану. Хороший, в общем-то мужик, не злой и не жадный. Странно только, что занимается такими делами в рабочее время.

— Мой вам совет, — проговорила я строго, — разворачивайтесь, и быстренько уезжайте отсюда, забыв сюда дорогу.

Мужчина что-то заподозрил. Он вдруг посмотрел мимо меня, выглянув в окно со стороны пассажира, и заметил приближающегося к нам мужчину. Мне же и оглядываться не надо было, я Филя спиной почувствовала, весь его негатив, рассерженную ауру, или что там у него сейчас вскипало и клокотало внутри?

— Так-так, — мужчина снова улыбнулся, — я, значит, уеду, ну а вы что?

— А я отправлюсь домой, — отважно сообщила я. — Поцелую кое-кого, и с ним и отправлюсь, — врала я сама себе, или внушала, что все будет хорошо.

«Тренер» мне не поверил. Он с сомнением посмотрел на меня, о чем-то раздумывая.

— Если вы сядете сейчас ко мне в машину... — начал, было, он, но я тут же его перебила.

— Тогда мне просто не выжить, — призналась я. Ладно, чего уж там, чего скрывать-то. — А вам, повторю, лучше уехать.

Мужчина побарабанил пальцами по рулю, словно тянул время, размышляя и взвешивая все «за» и «против». Ну не дурак ли? Неужели он подумал, что ему чего-нибудь светило бы, если бы не Фил, спешащий к нашему месту стоянки?

— Девушка, я из-за вас, между прочим, сделку пропустил, — упрекнул меня в несговорчивости «прилипала». — Забил на все дела, честное слово, а вы... бросаете меня вот так, посреди улицы?

— Да я вас и не поднимала, чтобы бросать, — возмутилась я. — Наоборот, из-за вас у меня будут большие неприятности, понятно?

— Что ж, тогда мой долг — защитить даму,

которую я невольно подвел, — заявил этот странный... человек и вдруг вылез из машины. Серьезно, взял и вышел, вместо того чтобы дать по газам и скрыться с места предполагаемого преступления.

Я уже различала лицо Фила, прекрасное и страшное одновременно. Злые глаза, полыхающие зеленым огнем, грозно сведенные брови и поджатые губы. А еще я заметила сжатые кулаки, и мне аж поплохело. Это он вчера еще развернутой ладонью мне дал, а что бы со мной было, если бы кулаком заехал?

— Должна вам честно сказать, что при любом исходе «вашего разговора» я не поеду с вами, понятно? — предупредила я моего навязчивого защитника. — И не думала даже.

— Да я понял, — улыбнулся мне мужчина. — Об этом легко догадаться: я всегда безошибочно улавливаю, чего хочет женщина.

— Зачем же тогда поехали за мной? — я искренне удивилась. Нет, ну надо же... Ничего не понимаю.

— Просто, вы мне понравились.

Фил уже открыл рот и закричал.

— Все, ты труп, — это он моему Дон Жуану. И на меня гневно палец навел: — С тобой я позже разберусь, су@а!

Вот так! Это мой любимый Фил. Нет, я

догадывалась, всегда подозревала, что он именно такой, но с другими, а чтобы со мной... Когда я перестала быть для него дорогой и ценной? И почему? Одной моей ошибки, одного неуважительного поступка, совершенного не по злему умыслу, а по глупости, оказалось достаточно, чтобы разрушить все, что между нами было.

А было ли что-то, чем можно и стоило бы дорожить? Может, я просто обманывала себя все это время?

Так кто же обманщик: я или Фил? Кто мне врал, что у нас все хорошо и прекрасно?

— По-моему, вы неправильно назвали эту девушку, — спокойно произнес мой «заступник», а по совместительству и виновник создавшейся ситуации, не дрогнув под мрачным взглядом взбешенного Фила.

— Что ты протявкал? — нет, ну так не честно: опускаться до такой грубости...

Я даже отвела глаза. Если уж ты дерешься за свою девушку, то будь благородным, чтобы ей не было за тебя стыдно. А тут сейчас начнутся детские обзывательства и фигня всякая.

Я заметила, как хмыкнул Дон Жуан. Ну же, давай, покажи, что ты на самом деле тренер по боксу.

И он показал. До последнего тянул, не желая избивать моего мужчину у меня на глазах, но как

только Фил занес над ним кулак, он как-то незаметно и даже расслабленно провел какой-то выпад, от чего моего мужчину скрутило пополам, и он медленно осел прямо в дорожную пыль.

— Прошу прощения, — обратился ко мне «тренер», ничуть не запыхавшись. — Видит бог, я этого не хотел. Может быть, вы нас оставите, и мы побеседуем с вашим... приятелем с глазу на глаз? — предложил он мне. — Хотите, можете пока посидеть в моей машине.

Он засмеялся, когда увидел, какое действие произвели эти слова на моего Фила. Тот дернулся и, преодолевая боль, вскочил на ноги, все еще не восстановив дыхание.

— Что ты сказал? — заорал он. — Куда ты ее позвал? Да я из тебя все д@рьмо выбью, — и снова понесся на него, но опять получил и осел.

Видимо, выбивать сегодня что-то будут именно из него. А тренер-то оказался на высоте. И главное: не избивает обидчика, имея на это полное право, а только отбивает атаки, не предпринимая ничего в ответ. Благородно! Теперь я понимаю, что многие женщины могут быть от него без ума, и потому он так уверен в себе и своей неотразимости.

В эту минуту я ему простила даже пошлый щипок: может, он был маленькой мстью мне, потому что уже на тот момент мужчина знал, что ничего ему от меня не обломится?

Фил предпринял еще несколько попыток наскочить на моего спутника, но каждый раз терпел неудачу. Он не мог себе позволить отступить, видимо, оказалось задето самолюбие, то самое, которое испортило наши отношения, и он лез и лез на эту стену, каждый раз получая полный отлуп, но не собираясь с этим смиряться.

Когда я поняла, что это может никогда не закончиться, я взмолилась.

— Пожалуйста, прошу вас, вы можете остановиться? — у меня в глазах уже стояли слезы, потому что у Фила оказалась разбита губа и из носа текла тонкая красная струйка, он тяжело дышал и страдал от унижения. Все-таки это мой мужчина, и я не могу смотреть на это равнодушно.

Дону Жуан тут же остановился. Хотя, он-то как раз меньше всего желал продолжать это бессмысленное избиение, это Фил постоянно налетал на него, не в силах вовремя затормозить.

— Желание женщины для меня закон, — проговорил «белый воротничок» чуть запыхавшись, и демонстративно отошел в сторону.

Конечно, это штамп, но зато какой! И главное, в мою честь: мое желание стало для него законом! Приятно, хоть и смешно. Много ли мне надо? Доброе слово, нежная улыбка... А не этот гневный взгляд из-под сведенных бровей и искривленные в злобной гримасе губы...

Фил медленно поднялся, ни на кого не глядя. Он тяжело дышал и держался за бок.

Дон Жуан посмотрел на него и вдруг произнес:

— Я бы на вашем месте, уважаемый, гордился такой девушкой, — у меня от этих слов глаза на лоб поползли, но мужчина был серьезен. Фил тоже посмотрел на него, все еще злясь и желая сказать что-то оскорбительное, но, слава богу, у него хватило ума промолчать. А мужчина продолжил. — Я бы почел за честь получить ее внимание, но она ясно дала мне понять, что этого не будет. И это именно из-за вас она не оставила мне ни одного шанса. Такими женщинами гордятся, а не оскорбляют их на глазах у посторонних.

Это был аут. Просто полный! После этих слов я уже понимала, что у нас с Филом ничего не будет как прежде. Что-то неуловимо изменилось. И это не он стал хуже (он мог быть таким всегда, только я не хотела этого замечать), но что-то произошло со мной. Может быть, я узнала, что у меня есть цена, и довольно высокая, и Фил не в состоянии ее заплатить? Или это все глупости...

Мужчина стоял и чего-то ждал, и я посмотрела на него вопросительно. Он перевел взгляд с меня на Фила и снова обратился к нему.

— Могу я быть уверен, что с этой девушкой ничего не случится, когда я уеду?

Фил кивнул, не глядя на него, и у меня отлегло от сердца. Я поняла, что так и будет. Наверное, Фил поверил в его слова, что я тут ни при чем?

— Хорошо, я вам верю, — проговорил со значением мужчина и, кивнув мне на прощание мягко и приветливо, сел в машину, развернулся и уехал.

Фил молчал, и я тоже. Он продолжал стоять на одном месте, и я тоже не шевелилась. Я не знала, что сказать или сделать. Мне хотелось подбежать к нему, обнять и пожалеть, вытереть с его лица кровь и сказать что-то ласковое, но я не могла. Боялась, что он грубо оттолкнет меня и прогонит. И вот я просто стояла, не смея даже шмыгнуть носом, и ощущала, как слезы жгут глаза, постепенно наполняя их и затуманивая.

Вдруг Фил отмер, поднял голову и посмотрел на меня, и в его взгляде я не прочла никакой ненависти, правда, честное слово! Ну прямо от сердца отлегло.

— У меня для тебя подарок, — проговорил он тихо и полез в карман. Покопавшись, достал что-то небольшое, положил на свою ладонь и протянул мне.

Это оказался перстень, старинный, внушительный, с большим камнем.

— Это тебе, — Фил двинул ладонью, и я

несмело взяла перстень двумя пальцами. Тяжелый, солидный, красивый. Видно, что вещь старинная и раритетная. Я никогда особо не интересовалась золотом, и тем более не разбиралась в камнях, поэтому он был ценен только тем, что Фил приобрел его специально для меня. Видимо, вчерашняя сцена заставила его испытать чувство вины, вот он и купил мне такую красоту.

— Зачем же было так тратиться? — проговорила я восхищенно, медленно и осторожно надевая перстень на средний палец.

— Да ладно, ерунда, — Фил довольно улыбнулся.

То, что это на самом деле оказалась ерунда, я узнала на следующий день. Вечер был шикарным, никакую Пчелку, конечно, я звать не стала, а Фил сбегал в магазин и сам купил торт по поводу нашего примирения, и подарил мне бурную ночь, такую сумасшедшую, что я и свое имя чуть не позабыла.

А вот на утро... Кое-кто пришел к нему рано утром, и Фил провел его на кухню, и там этот кое-кто, мне неизвестный, стал его тихо ругать за то, что тот отдал «старухин перстень» своей девке, вместо того чтобы сплавить его и выручить большие бабки. Не для того он свою ж... гхм-гхм, рвал, чтобы какая-то лахудра таскала его на виду у всех, и так далее и тому подобное. Фил тихо

огрызался, ничуть не боясь гнева своего визави, и спор затянулся надолго.

Так я узнала, что этот перстенок стоит больших денег, и что мой Фил вор. Поэтому прокуратура им и заинтересовалась, и только я не видела, что творится у меня под носом.

Я с остервенением стянула подарок с пальца и бросила на кровать. Сколько бы он там ни стоил на черном рынке краденых вещей, для меня он в один миг превратился в фигню.

Мне стало так обидно, что я тихо заплакала. Оказывается, я полная фальшивка, простая китайская бижутерия. Ради меня никто не влезал в долги, не тратил кровно заработанные деньги, мне просто сунули под нос дорогую побрякушку, которая ничего не стоит. Да, не стоит! Для меня она ничего не стоит, потому что мужчина, подаривший ее, не заплатил за нее ничего! Только продал совесть и порядочное имя, и все. Вот так он меня ценит: отнял, украл и принес мне. На, мол, жри и радуйся, какой я щедрый! Да лучше бы он цветок мне на базаре купил, но только на свои деньги!

Блин, а есть ли у него свои деньги? Только от проданного товара? Тогда у него нет ничего!

Теперь понятно, почему он ни разу не привел меня к себе. Может, он там хранит краденое, и не хочет, чтобы это кто-нибудь видел.

И пусть этот перстень стоит пятьдесят тысяч,

для меня он просто плевков, пощечина, и показывает, что и я ничто: для меня можно не стараться, не рвать жилы, не... Да плевать! И уткнувшись в подушку, я тихо ревела от обиды и унижения.

ГЛАВА 9. Хамству — бой!

Вот же появился этот визитер с хриплым голосом, пришедший ругаться из-за «старухинова перстня», испортил мне все настроение, и сон как рукой сняло.

Я к этому времени и так уже проснулась, просто валялась и нежилась в постельке на свежих простынях. Вот что значит, многолетняя привычка: можно спать сколько влезет, а организм уже настолько привык просыпаться в одно и то же время, что и будильник не нужен.

Вроде я уже безработная, и торопиться никуда не нужно, лежи — не хочу, так вот теперь на самом деле не хочу! Вот же ж, испортили мне настроение!

Я вдоволь наревелась, минут десять, ага, и мне стало так противно, обидно и жалко себя, что какая-то сила подняла меня с постели и заставила одеться. Я не знала, куда собираюсь, но оставаться под одной крышей с Филом мне не хотелось. Я рвалась на улицу, на свежий воздух, словно стены этой квартиры в миг покрылись плесенью и

паутиной, и воздух оказался затхлым и отравленным ядовитыми испарениями.

Нда-а, так прочь от своего красавчика я еще никогда не рвалась...

Перстень я спрятала в ящик комода, а для Фила оставила записку, чтобы он не волновался и не дай бог не подумал, что я убежала «наставлять ему рога» с утра пораньше. Я сообщила ему, что это просто вопрос жизни и смерти: отсутствие в нашем доме пряников. Ну может мне захотеться вдруг пряников? А у него, судя по напряженному гулу из-за закрытой кухонной двери, важный разговор на высоком уровне, и я не рискнула отвлекать деловых людей.

Я умылась, натянула вчерашнюю одежду и выпорхнула из квартиры в начале девятого.

Выбежав на крыльцо из темного пыльного подъезда, застыла в блаженной неге. Утренняя свежесть пьянила, легкий влажный ветер тут же растрепал мои не убранные в хвост волосы, и такая нежность меня охватила, будто я сейчас взлечу и улечу куда-нибудь далеко-далеко... Но, отчего-то, люди не летают как птицы...

Он подловил меня опять же у подъезда, и в то же самое время. А все моя неумемная энергия, или Фил...

Если бы он снова попробовал вдавить меня в стену и вообще прикоснуться ко мне, я, наверное,

убила бы его. Ладно, не убила бы, конечно, но, лягнула. А что, меня Шашка в детстве учил. Не лягаться, а бить ногой. Серьезно так учил, старательно. А однажды увернуться не успел и так от меня получил копытом, что пополам сложился и долго не мог вдохнуть воздух. Не посинел, конечно, но настрадался точно. А потом руку от ушибленного живота отвел и большой палец мне показал, мол, врагам не поздоровится.

Наверное, события последних дней произвели во мне огромную революцию. Сначала Фил своей пощечиной и нелепыми обвинениями поставил под сомнение мою порядочность и право на уважение, а потом неизвестный «тренер по боксу» показал, что я могу быть Женщиной с большой буквы безусловно, по определению, априори.

Что я выбираю? А получается, как у классика: мужчины выбирают и определяю, кто же я: леди или цветочница. Так вот, я не хочу быть грушей для битья, мусорным ведром для чьих-то словесных помоев, «девкой и лахудрой», таскающей ворованные перстни, и для любого следователя прокуратуры желаю быть Галиной Владимировной, а не «эй, ты» и «послушай сюда».

Когда он заступил мне дорогу, такой грозный, серьезный и коварный, типа все про меня знающий и держащий меня в кулаке и за одно место, я взглянула на него с таким вызовом и так смело, что

он смешался.

Вот честно, я увидела, что он опешил, потому что в прошлый раз он видел перед собой растерянную девушку, не понимающую, в чем дело и чего от нее хотят, а потому напуганную и покорную, а сейчас я вела себя совершенно иначе. К этому он оказался не готов, и как вести себя со мной сегодня, еще не определился.

Ага, оно и понятно: для того, чтобы сориентироваться в новых обстоятельствах, время нужно, а опыта, наверное, маловато. Нахрапом он умеет, и даже со всем своим желанием, а чтобы повести светскую беседу с культурным человеком — тут образование требуется, и навыки определенные.

— Молодой человек, простите, не помню вашего имени-отчества, — проговорила я гордо и с достоинством (ну и что, что на мне не вечернее платье, нет укладки и макияжа — не одежда красит человека, и мое достоинство зависит не от лейблов на тряпках и не от их стоимости). — Чем обязана нашей новой встрече?

Следователь молчал и хмурился, разглядывая меня, словно не узнавал.

— Ну что же вы, смелее, — подбадривала я его. — У вас появились какие-то новые вопросы ко мне?

Может, и нет, и пришел он только за тем,

чтобы посильнее надавить на меня и заставить сотрудничать с прокуратурой. Ох, знал бы он сейчас, насколько я проинформирована на этот момент по сравнению с позавчерашним утром! Но ничего не изменилось в моем отношении к этому человеку и к Филу: сдавать одного другому я не собираюсь. Это уж как-нибудь без меня, мальчики.

— Вопросы все те же, — проговорил парень, проигнорировав мою просьбу представиться по всей форме, — и я жду от вас ответов, — ну хоть руки не распускает, и за то спасибо! — Что-то новенькое я услышу сегодня?

Ага, сказку рассказать тебе, или песенку спеть? Чем не новенькое.

— А я полагала, вам разъяснили, как следует вести себя с женщиной, — проговорила я, решив гнуть свою линию и не сбиваться на его грубый тон. — Как не прилично давить и оскорблять словами и действиями, и вы пришли принести свои извинения, — подсказала я ему с вежливой улыбкой.

Молодой человек сразу пришел в себя, резко, как по команде. Все мужчины такие гордецы, ни за что не станут терпеть, когда над ними смеются. Стоило мне надавить, и вот результат: глаза зажглись, желваки загуляли, губы искривились.

— Да нет, я все по тому же вопросу, — проговорил он. — Меня интересует деятельность

вашего сожителя, Филиппа Терентьева.

— Какое странное слово, — проговорила я, будто бы задумавшись, — «мой сожитель»... Как грубо. Вы бросаете тень на порядочную женщину.

— Гражданка Сорокина, вам известно... — начал он, листая свой блокнотик, полагая, что может игнорировать мои реплики, но я его мягко перебила.

— Послушайте, любезный, опять же, не расслышала вашего имени-отчества, ну да ладно, пусть это останется на совести ваших родителей, мне не интересно. Какое мне дело до деятельности какого-то Филиппа Терентьева? И какой мне интерес что-либо сообщать вам?

— Гражданка Сорокина, должен пояснить вам, что препятствие правосудию и уклонение от сотрудничества... — начал было наглый следователь, но я опять терпеливо и ласково его остановила.

— Молодой человек, не вижу никакого приглашения к сотрудничеству. Вы мне даже корочки свои не показали, и мне не ясно, на каком основании вы ведете сейчас допрос.

Он вопросительно уставился на меня, и на его миловидном наглom лице читался вопрос: «Какого черта? Больше тебе ничего показать не нужно?»

— Предъявите мне ордер или покажите повестку с вызовом на допрос, и потрудитесь найти

для этого прочное законное основание, тогда поговорим. Может быть, — и я победно ему улыбнулась.

Какая же я дурочка: почему позавчера я так растерялась, что позволила запугать и унижить себя, так что даже не смогла отправиться на работу, которую в итоге и потеряла? Видимо, мне требовалась такая встряска, которую устроил Фил, и та неожиданная поддержка, которую любезно оказал незнакомец. Теперь-то я могу спокойно относиться к происходящему и контролировать ситуацию.

Оказывается, бояться нечего, надо только знать свои права, и вовремя об этом вспомнить. И не позволять никому врать мне, что я кто угодно, но не женщина.

Я смело двинулась на него, ожидая, что он посторонится.

— Да, кстати, если ваши действия не санкционированы, должны ли я сообщить об этом вашему руководству? — я наклонилась к его лицу, уловив легкий запах табака и ментола — мерзкая смесь!

Он вдруг схватил меня за руку выше локтя, и я вздрогнула от неожиданности.

— Слушай, ты, — начал он тихо и с вызовом. Ну ясно, освоился, пришел в себя и съехал в свою привычную колею. Видимо, постоянное общение со

всяким сбродом, вроде бомжей и наркоманов, накладывает свой неизгладимый отпечаток на людей, и так не обремененных интеллектом, что тут поделаться.

— Отпусти, — процедила я тихо, чувствуя, что начинаю закипать. Что-то, проснувшееся во мне и неожиданное для меня самой, поднимало голову, набирало силу и уже не желало мириться с обстоятельствами. — Или...

— Или что? — с вызовом спросил он, уставившись мне в глаза и не ослабляя хватку.

— Или то, — проговорила я, сверля его гневным взглядом. Все, с меня хватит! Выхожу на тропу войны! Я больше не стану терпеть такое отношение.

Я немного отодвинулась от этого парня, насколько это было возможно, примерилась, а потом вдруг неожиданно для него приблизилась к нему почти вплотную и ударила коленом по... ага, по ним, родимым, по мандаринкам.

Этому меня Шашка не учил, конечно, но я и без него знала, что срабатывает это без осечки. Мой светский тон и улыбка сбили беднягу с толку, и он никак, наверное, не ожидал от меня такого подлого финта, но он должен меня понять: не могу я позволить всякому встречному хватать меня за руки и грубить в лицо. Что мне оставалось делать? Правильно, попытаться заполнить пробел в

воспитании, который допустили его родители.

Боль скоро пройдет, а урок останется, я надеюсь.

Горе-следователь давно уже меня выпустил, сжав ноги и норовя упасть на колени, но изо всех сил стараясь удержаться от этого, и часто дышал, зажмурив, почему-то один глаз. Он тихо поскуливал, но не решался как-то обозвать меня, хотя я видела — ему очень хотелось.

— Могу посоветовать вам одно: поговорить, как мужчина с женщиной, с Филиппом Терентьевым без третьих лиц, — проговорила я, любуясь сотворенным мной делом. — А не наезжать на слабых беззащитных женщин.

— Ага, беззащитных, — прошипел следователь, потихоньку приходя в себя. — Что за...

— Разумеется! Вы сами вынудили меня защищаться, и делаю я это как могу, — произнесла я с легкой улыбкой. — По-моему, получилось не плохо. Вы так не считаете?

— Нападение на работника прокуратуры при исполнении... — опять попытался запугать меня этот молодец, и я опять не позволила ему продолжить.

— Откуда я знаю, что вы работник прокуратуры? И как мне догадаться, что вы при исполнении? — спросила я его, не скрывая

победного блеска в глазах. — Молодой человек, потрудитесь в следующий раз подготовиться получше. Но если так станется, что я окажусь неподалеку от места вашей работы и решу навести справки, на каком основании и по какому праву рядовой сотрудник преследует меня, выслеживая у подъезда, когда я не состою в законном браке с разрабатываемым им объектом, я получу конкретный и исчерпывающий ответ от вашего руководства, это понятно? И то, что подумает и предпримет к вам ваше начальство, вам не понравится.

Он что-то прошипел, или просвистел, и это было похоже на одно женское обзывательство, но я сделала вид, что не расслышала. Мало ли, что он насвистывает себе под нос — я не обязана это слушать и реагировать на это.

— Ну, оставлю вас одного, молодой человек, — проговорила я, вернув себе прежний спокойный тон и нацепив на лицо благодушную маску. Ни капли насмешки, ни грамма презрения, ни намек на злорадство.

Никто не попытался остановить меня, и я спокойно пересекла двор и скрылась за углом.

У меня было только два желания в это утро: улететь на другую планету, или проснуться в дне позавчерашнем и понять, что все события последних дней мне только приснились. Но я была

реалисткой, давно, с пяти лет, как умерла моя мама, и понимала, что чудес не бывает, и все, что происходит, следует принимать как данность и стараться не задавать глупых и бессмысленных вопросов: «За что и почему?».

Я вскочила в автобус, когда проходила мимо остановки, и доехала до набережной. Часа два гуляла, любуясь видом противоположного берега, съела три мороженого и приняла два звонка. Один от шефа, который сообщил, что не держит на меня зла и, если я решу вернуться, примет меня и сделает вид, будто между нами ничего и не было, а второй от Фила, сообщавшего, что ему надо отъехать по делам, и будет он только вечером.

— Киска, могу я быть уверенным, что ты не станешь делать глупости, пока меня не будет? — спросил меня Фил.

— Конечно, милый, ты же меня знаешь, — ответила я ему в тон.

Но знает ли он меня? И хотел ли когда-нибудь изучить и понять? Известно ли ему, что я люблю, какие фильмы мне нравятся, горячий или теплый чай я пью, какой мой любимый цвет? Зато я знаю, какую позу он предпочитает, какая пятка у него сейчас чешется, какое чмо сегодня вывело его из себя, и что для него надо приготовить на завтрак.

Шефа я сдержанно поблагодарила, оставив при себе злорадное «Ага! Что, съел?!» и вежливо

сообщила, что в данный момент рассматриваю другое предложение, на что он громко вздохнул и, бросив: «Жаль, жаль, Сорокина», отключился.

Все, теперь я абсолютно свободна. Можно, кстати, вернуться домой и посмотреть какой-нибудь фильм, съесть что-нибудь вкусненькое и почитать, наконец, газету с целью поиска новой работы.

Если из полученных с таким трудом денег я отдам большую часть за квартиру, то мне срочно придется искать работу, чтобы не умереть с голоду, или же надо будет вернуться домой, к матери и Вальке, а этого мне очень не хотелось. Женщина, потребовавшая называть ее мамой, так и не стала ею для меня. Поэтому в слово «мать» уже многие годы я не вкладываю никакого смысла и теплоты.

Совершенно очевидно, что Фил не предложит мне свой дом в качестве убежища от невзгод и неурядиц реальной жизни, и не поможет с деньгами. Да даже если бы он высыпал передо мной мешок денег, я бы не рискнула ими воспользоваться теперь, когда знаю, откуда они и как он их добывает.

Все же, пока я свободна от них, я чиста перед собой и перед тем дебильным следователем, и ничего не мешает мне смотреть ему в глаза и заявлять, что я не причастна. Ни к чему не причастна, и Фил мне чужой.

От этой мысли горло сжало, словно кто-то сдавил его пальцами, и стало немного страшно и не по себе, будто рушилась какая-то основательная часть моей жизни. Но в том-то и дело, что рушиться было нечему! Как оказалось, ничего не было построено, и розовый замок существовал только в моем воображении... Замок из розовых соплей...

ГЛАВА 10. Взгляд из космоса

Весь день я смотрела «Викингов», думая о том, как же здорово быть женщиной-воином, лучшей в своем роде и известной на многие расстояния... Лагерта как раз такая, какой я всегда мечтала быть. В детстве я воображала себя каратисткой, которая сможет расправиться с Валькой даже не одним ударом, а только лишь взглядом. Я, почему-то, никогда не ждала, что кто-то придет и заступится за меня перед ним. Всегда считала, что сделать это буду должна я сама. И так и выходило, только в моем воображении.

И вот сейчас, уплетая пряники, я любовалась статью отважной Лагерты. Вот остались в селении одни женщины и дети, ну и старики еще, ну да это не важно. И вот пришли два подонка и, не скрываясь, сообщают, что приперлись, потому что им приспичило, и они точно знают: в селении нет мужчин. Ну не низость ли, а? И что бы сделала,

например, наша прославленная Людмила, стенающая в плену у Черномора? Спряталась бы под шапкой-невидимкой? Или Катерина Островского — бросилась бы со скалы в море, и все? Типа такой вот протест против насилия и угнетения. Ну плач Ярославны еще вспомнился: подарила бы перед смертью миру прекрасную песнь печали.

Но скандинавская красавица Лагерта не стала пускать слезу в попытке воззвать к человеческому у этого отребья. У нее совершенно другой менталитет и идеалы. Спокойненько так отправила дочку на задний двор, взяла какой-то там предмет домашнего быта, сельскохозяйственное орудие, которое в один момент превратила в смертельное оружие, и сделала то, о чем мечтала бы любая девушка, во все глаза смотрящая на экран, желающая отомстить за поруганную честь всех жертв! В общем, несостоявшиеся насильники с позором бежали, скуля от полученных увечий. Вот такая женщина. Слона на скаку остановит, и хобот ему оторвет!

Вот это я понимаю! Я даже пару раз прокрутила эту сцену, чтобы продлить очарование момента. Так и надо с этой мразью!

Сюжет развивался дальше, и отважный герой сериала упорно шел к славе и победе своего народа, а мои мысли были уже далеко, там, где я могу побеждать, где я могу находиться в безопасности,

где никто никогда меня не обидит... в общем, нигде. Нет такого места. Есть реальность, и в ней я в... не в том месте, где производят шоколад, это уж точно.

Часам к пяти меня сморило. Все-таки сказались бессонные ночи. То шок и страх гнали от меня сон, то помешала попытка Фила задобрить меня, исполненная довольно недвусмысленно и замысловато, так что я, практически, две ночи подряд и не спала толком. Да и днем хватало своих переживаний и волнений. Вот, ближе к вечеру я, наконец, и прикрыла сомкнуты негой взоры. Улеглась на диване перед телевизором, и мне приснился сон.

Надо сказать, что со снами моими творится что-то непонятное — мне, по крайней мере — и не объяснимое. Во-первых, они делятся на два вида: сны про один Город, и сны про Прилет. Всякая одноразовая ерунда не в счет.

Особенность же этих двух видов заключается в том, что они снятся мне периодически, с разными декорациями, но каждый раз я понимаю, что это про одно и то же.

Например, сны про Город, в который я постоянно попадаю. Каждый раз он разный, совершенно иной и не похожий на город из прошлого сна, но каждый раз я понимаю, что снова оказалась в *том самом* Городе, и сознаю это

прямо во сне, рассуждая о том, что опять мне приснился именно *он*. Он предстает то в виде яркого сити с небоскребами, то в виде скромной площади сельского поселения, то в виде старого городка на грани выживания, но всегда я понимаю четко: это *один и тот же* Город, и я снова в нем. То я прогуливаюсь по музею, то закапываю каких-то мертвецов или посещаю чьи-то могилы, то спешу в аэропорт, или навещаю свою дальнюю родственницу, но все действия, страшные, обычные или смешные происходят в *одном и том же* Городе. И каждый раз я знаю это точно, и не после пробуждения, а прямо во время сна!

Это происходит уже много лет, и я к этому привыкла. А недавно, буквально несколько месяцев, стал повторяться еще один сон. Его сюжеты могут быть разными, но все их объединяет одно: что-то непонятное и необъяснимое, иноземное и непостижимое несется на меня с неба, прямо из космоса, мне на голову.

В первом сне я находилась на палубе прогулочного катера на спокойной реке, стиснутой двумя низкими берегами. Смеркалось, и я задрала голову, чтобы посмотреть на начинающее темнеть небо. И тут началось что-то необыкновенное: небо то тут, то там начало взрываться снопами искр и расцветивалось красками, как во время праздничного салюта. Вдруг посреди этой

красочной аномалии с неба стали спускаться причудливые разноцветные медузы, кальмары и осьминоги гигантских размеров. Они плавно парили в воздухе, тихонько опускаясь прямо на палубу и в воду, и тут же исчезали. Они без остановки пульсировали, то сжимаясь, то разжимаясь, и сквозь них можно было рассмотреть предметы. Прозрачные твари постоянно меняли цвет, который пробегал сквозь них, меняясь, и не причиняли никому вреда. Они не казались опасными, но было понятно, что они — неземного происхождения. А в голове пронеслась мысль: «Вторжение».

Две недели назад мне приснился смешной и страшный одновременно сон из того же разряда «прилетов». Я стояла во дворе своего дома напротив подъезда, и вот черт меня дернул, по-другому и не скажешь, посмотреть вверх. Светлое небо, диск солнца всю наяривает, обогревает летний двор, и вдруг я увидела самолет, и надо же было ему загореться, взорваться, и начать падать. И вот я смотрю на эту трагедию и понимаю, что летит этот хаос прямехонько на меня. Я заметалась по двору туда-сюда, думая, в какую сторону мне бежать, чтобы он не попал прямо на меня. Я перепугалась, отчетливо сознавая, что, если бы не взглянула на него, сия беда прошла бы мимо меня. Надо ли говорить, что проснулась я в

холодном поту.

И вот опять двадцать пять. Заснула я на диване, в удобной расслабленной позе, но то, что увидела с закрытыми глазами, легким сновидением я бы не назвала.

Я оказалась в своем старом дворе, в котором прожила до пяти лет. Только-только наступал вечер, в окнах соседних домов зажигался свет, на улице не было ни души. Такой покой наступает на границе между днем и ночью, и я застала как раз этот волшебный момент тишины и смешения времени. И снова я посмотрела на небо, только-только начинающее темнеть, подернутое розоватой дымкой. Вот будто кто-то призывал меня и манил *оттуда*. И тут я кое-что увидела.

Сперва это была маленькая черная точка далеко-далеко в космосе, но вдруг она начала расти, и назвать ее просто точкой язык уже не поворачивался. Прошло буквально несколько мгновений, и своими очертаниями это стало напоминать какой-то конус. Он стремительно увеличивался в размерах, и вот уже можно было легко различить космическую ракету, такую, как обычно рисуют в детских мультиках. Незамысловатую, но понятную однозначно.

Опять я почувствовала, что эта ракета на бешеной скорости несется прямо к тому месту, где я стою, и в страхе забежала на крыльцо подъезда.

Ни одна живая душа не видела того, что происходило, и только я была один на один с тем, что неслоь прямо на меня. Серая ракета приземлилась аккуратно в том самом месте, где я стояла еще несколько минут назад, и вот из нее вышел космонавт. Опять шаблон, но страх от этого меньше не становился. Белый скафандр, защитный щиток в шлеме абсолютно черный, как самый мрачный мрак далекого космоса, и через него ничего невозможно разглядеть. И это был не человек! Я поняла это по замедленным движениям существа, когда он двинулся прямо в мою сторону. Это было что-то абсолютно инородное и чуждое.

Я вжалась в дверь, чувствуя, как волосы зашевелились на голове, потому что это странное нечто тяжелой походкой приближалось ко мне, пересекая двор.

Я задергалась, спеша открыть код замка на входной двери, и на одном дыхании поднялась к себе на пятый этаж. Забежала в квартиру, закрылась на ключ и бросилась на кухню к окну. Каков же был мой ужас, когда я увидела, что непроницаемый черный щиток на шлеме таинственного посланца иных миров обращен в мою сторону, и космонавт стоит, запрокинув голову, и смотрит прямо на меня!

Я вздрогнула и раскрыла глаза. За окном уже стемнело, в комнату попадал свет из дома напротив, фильм как раз заканчивался, не знаю какая уже

серия, и я нервно сглотнула. Ужасно хотелось пить, и на неверных ногах, слабая ото сна, я поплелась на кухню.

Из головы не выходил этот сон. Вот же ж! Я пила и никак не могла напиться, и все думала о том, что притянула из космоса что-то странное и непонятное. То взорвавшийся самолет, то таинственных медуз, а то и инопланетное существо. Но если я спокойно и без особых усилий притягиваю все плохое и негативное в свою жизнь, разве это не может работать и по-другому?

Я отошла к окну и уперлась разгоряченным лбом в прохладное стекло. Может, я могу, если постараться, притянуть и что-то хорошее? А что, если что-то таинственное и прекрасное только и ждет, когда я подниму свою голову и посмотрю сквозь пространство и время именно на него?

Что, если просто надо начать думать о приятном и правильном, и не бояться неудач? Хотя, с Филом я вряд ли так вырасту. Обиды и страх будут только разрастаться, в этом я теперь уверена. Одно для меня совершенно очевидно: повернуться к нему спиной я теперь не рискну, а жить и постоянно оглядываться, задаваясь вопросом на каждом шагу, правильно ли я поступаю, в том ли тоне я разговариваю, и не раздражу ли его случайно, я не согласна.

Ах, тренер по боксу, если ты меня помнишь:

спасибо тебе большое. За что? Не знаю. Может, за то, что позволил мне поверить, что я имею природу притягивать хорошее, и должна жить в окружении этого хорошего. Среди хаоса и грубости, со всех сторон огребая психологические затрещины и душевные оплеухи, я получила от тебя нечто очень важное. Ты сделал мне комплимент и позволил насладиться коротким мигом отдохновения. И знаешь, мне это понравилось.

К хорошему привыкаешь очень быстро. Мне хватило получаса. И теперь — держите меня семеро!

Что же, в ближайшие дни у меня как раз будет время, чтобы поупражняться в зазывании позитива в свою жизнь. И если страшное валится на мою бедную голову во сне, то, может быть, во имя справедливости, в реальности мне упадет в руки что-то очень приятное?

Надо попробовать. Со стаканом холодной воды я замерла у окна, созерцая прекрасные черты лица Фила. Почему-то в этот момент я поймала себя на мысли, что прекрасными их как раз называть неправильно. Прекрасное лицо должно быть одухотворенным, а не просто красивым. Да, Фил еще тот мачо, знойный и яркий, но глаза... у него злые глаза, и манеры оставляют желать лучшего. Так что он может быть каким угодно, и жеребцом, и бруталом, и черте знает кем, но я

больше не стану называть его прекрасным...

Что мне с его красоты... Я вдруг задумалась о том, что не знаю, хочет ли Фил когда-нибудь иметь детей, станет ли он хорошим отцом и заботливым мужем. Эта мысль показалась вдруг абсурдной. Нет, Фил и семья — это скорее две параллельные прямые, нежели исполнение мечты. Подобную мечту этот мужчина никогда не воплотит в жизнь. Да я и не хочу, если честно.

Мне хватило одной затрецины, чтобы проснуться и освободиться от иллюзии, морока и самообмана: Фил не тот, кто принесет в мою жизнь счастье. Горячий секс? О, да! Сильные впечатления и яркие скандалы? Ну разумеется! Мучения и ревность? Дикую и не обузданную! Но этого ли я хочу, приближаясь к магическому Рубикону? Вот исполнится мне тридцать лет, и все! И я уже не буду никогда такой, как прежде. Я разменяю четвертый десяток, и что-то во мне, заложенное природой или богом, потребует исполнения своего предназначения — быть не только подстилкой, но матерью, женой, в чьей нежности нуждаются, кем хотят дорожить, кого хотят защищать.

А Фил... способен ли он на это? Вор, обманщик и нарушитель закона может только подвести меня под монастырь, подставить и бросить на обочине, если я стану ему мешать. Вот и все.

Неожиданно для себя самой я вскрикнула и подпрыгнула на месте. Как же здорово прозреть! Наравне с сильным и болезненным разочарованием в этот момент во мне зрела бурная радость. Я радовалась, что наступает просветление, исцеление и освобождение.

Да, еще не скоро я решусь покинуть этого человека, еще слишком сильно я привязана к нему на эмоциональном и физическом уровне, но у меня уже есть одна маленькая победа: я не доверяю ему, я не доверю ему свое будущее. С ним оно просто исчезнет, а я не хочу исчезать, я хочу жить. Мама дала мне жизнь не для того, чтобы об меня вытирали ноги.

И тут я замерла. А что, если тот тренер по боксу как раз таинственный посланник из космоса? Ну, или ангел, который как раз пришел открыть мне глаза и вывести на правильную тропу, показать путь к спасению! Я улыбнулась в темноте, разглядывая разноцветные окна в доме напротив. Ага, будет ангел щипать меня за мягкое место и заглядывать в глаза с таким намеком, как бы не так. Но кто бы он ни был, он здорово мне помог.

Кажется, я уже притянула к себе что-то хорошее, мудрое и важное. Я прямо чувствовала это, ведь не зря же на руках у меня выступили мурашки!

Лучше быть одному всю жизнь,
Чем найти свой дом,
И жить в нём, с кем попало.

Гр. «Ария», сл. Пушкина М.

ГЛАВА 11. На пороге великого

Робкие лучи утреннего осеннего солнца нашли лазейку в неплотно зашторенном окне и разбудили меня, принеся ощущение непередаваемой тяжести на душе. Оказалось, это мужская волосатая рука покоилась на моей груди и давила так, что было не вздохнуть. То ли это нежность соскучившегося по мне мужчины и его желание быть ко мне ближе, то ли контроль, говорящий, что отныне даже кислород для меня будет дозироваться и выдаваться по норме.

Видимо, вчера я так притомилась рассуждать о важном, что заснула без задних ног и даже не услышала, как появился Фил. А он или не смог меня добудиться, или не стал этого делать.

Словив еще вечером многозначительный сон, обремененный каким-то посланием в мою жизнь, ночью я наслаждалась стойким небытием, сквозь толщу которого до меня не добрались никакие

действия Фила, если таковые он вообще пытался предпринять. Хоть выпалась в кои-то веки! Осторожно приподняв тяжелую руку за большой палец, я уложила ее поверх одеяла, а сама тихонько сползла на пол и убежала в ванную.

Да что ж такое-то! Это ж сколько времени я еще буду прятаться от Фила? Это что за отношения такие, когда хочется убежать от того, к кому еще недавно дышала так неровно, что боялась задохнуться от избытка чувств и страсти?

Я чистила зубы и рассуждала об этом. И когда делала глазунью, это не выходило у меня из головы. И когда пила сладкий чай с бутербродами, эти мысли буквально не давали покоя. Я понимала только одно: я хочу этого мужчину, и никакая сила не может заставить меня уйти от Фила, от яркой зелени его глаз, от хрипотцы в голосе и таких сильных рук. Но вот как раз сила этих самых рук может заставить меня задать такого стрекача...

Все же, если посмотреть правде в глаза, наши отношения уже не на равных, у меня появился страх перед ним. И стыд, что меня можно вот так просто и легко обвинить в чем угодно, а потом ударить, а после швырнуть побрякушку, чтобы закрыть рот, и все. И он после этого герой, а я — зараза, которой не понятно, чего еще нужно, и вообще никак не угодить.

Я подвела глаза, сидя за кухонным столом,

собрала волосы на затылке в узел, прокралась в спальню и долго открывала скрипучую дверцу шкафа, добиваясь от нее беззвучности, чтобы достать чулки, юбку и блузку. После успешно проведенной операции на носочках покинула комнату, в которой мерно посапывал самый красивый мужчина на свете, и, выбравшись в прихожую вздохнула, наконец, свободней.

Быстренько одевшись, придвинула пуф к встроенному в стену одежному шкафу, потянулась к верхней полке и принялась шарить рукой под россыпью зимних шапок, варежек и шарфов. Там хранилась «моя прелессть» — вырванный практически в кровавой битве мой последний заработок, с любовью спрятанный в старом потрепанном кошельке. Полюбовавшись на военный трофей, я отделила от общей суммы две тысячи. Со вздохом вернула их обратно, спрятав кошелек под завал, а девять зелененьких бумажек сложила и сунула в карман пиджака. Все, можно двигать. Оглядев себя в зеркале, подушилась любимыми GUCCI и осторожно вышла из квартиры.

Сегодня особенный день: время отдавать долги, и уже близился час расплаты. Хозяйка квартиры жила неподалеку отсюда, в соседнем микрорайоне, и хоть я и была в туфлях на каблуке, но решила прогуляться по притихшему с вечера

городу, когда дневная суета еще не тронула его своим крылом и не завертела в круговерти проблем и забот. Уж очень мне нравится утренняя свежесть, и это прозрачное небо, и желтые листья.

Во дворе я внимательно огляделась в поисках одного очень неприятного типа, обожающего брать на испуг ничего не подозревающих девушек и давить на них страшными словами о сопротивлении власти и препятствии расследованию, но отбритый мною накануне следователь сегодня не появился и, довольная, я направилась по знакомому адресу по натопанной уже за многие месяцы дорожке.

Одета я была как обычно, когда по утрам спешила на работу, но мысль, что мне больше никуда не нужно бежать и нестись сломя голову, грела сердце. Головокружительное чувство свободы заставляло губы расплываться в довольной улыбке и чувствовала я себя просто замечательно. С деланным сочувствием, призванным скрыть легкое злорадство, я провожала автобусы, до упора забитые полусонными горожанами, спешащими в свои офисы или где там они работают, а сама неспешно и почти вальяжно вышагивала по тротуарам, выстукивая каблучками почти что барабанную дробь своего триумфа.

Упоение собственной свободой развеялось, как только вошла в нужный подъезд. Поднимаясь пешком на четвертый этаж, я все больше мрачнела.

Искры недавней радости осыпались как блески с бального платья, и гасли на грязном холодном полу. Сейчас отдам деньги за квартиру Тамаре Иосифовне, и останусь на бобах. Минуты душевного подъема и беспечности на глазах канули в лету. Без работы я долго не протяну, а к Филу за помощью обратиться не смогу. Это я понимала ясно.

Кто знает, может, наши с ним отношения и длились так долго, что я оставалась независимой в финансовом плане девушкой и не требовала от него ни золотых гор, ни шуб, ни даже денег на продукты. Может, он запоет совсем по-другому, если я начну выпрашивать у него денюжку на житье-бытье.

Тамара Иосифовна встретила меня как всегда в своем неизменном длинном шелковом халате с китайскими драконами, словно примадонна на заслуженном отдыхе, не расставшаяся с богемными привычками. Высокая прическа, яркий лак на ногтях, модный лет двадцать назад макияж — все как она любит. Видимо, роль артистки театра на пенсии казалась ей привлекательной, и она не отступала от нее никогда.

При первой встрече я так и посчитала искренне, что в прошлом она была актрисой или какой-нибудь певицей, и, войдя впервые в ее квартиру, ожидала увидеть на стенах

многочисленные афиши с ее выступлениями. Но на проверку это оказалось лишь игрой. Зато, можно было позавидовать женщине, которая позволила себе создать какой-то образ и придерживалась его, расцвечивая свою скудную на события жизнь яркими красками фантазии.

Она с радостной улыбкой поприветствовала меня, пропуская в прихожую, вобравшую в себя странную смесь разных запахов, от нафталина до аромата духов «Красная Москва». Меня препроводили в просторную гостиную с круглым столом в центре под плетеным абажуром и усадили на тяжелый стул с высокой спинкой.

В моем понимании уютного дома это была самая яркая картинка: обставленная комната с неизменным столом в самом ее центре, и чтобы обязательно под абажуром. Даже настенные часы с кукушкой имелись в наличии. Моя мама всегда мечтала о таких, но никогда их не покупала. Зато, когда мы с ней бывали в гостях у одной ее подруги, мама всегда с неизменной завистью смотрела на этот домик и рассуждала о том, что непременно должна приобрести такие же.

Близился особый момент — у Тамары Иосифовны все происходило по раз и навсегда заведенному порядку. Это был практически церемониал, и он мне нравился.

Пожилая женщина заговаривала о своем

житье-бытие, делясь последними новостями, имеющими интерес для нее и совершенно не нужными мне, но рассказывала так увлекательно, с легкой долей самоиронии, что я всегда заслушивалась ее, невольно вклиниваясь в ее монолог с наводящими вопросами, к которым она сама же искусно меня и подводила: «Да вы что! А он? А она? И что вы на это ответили? Ну вы даете!» Женщина всегда удовлетворяла мое любопытство, и эти рассказы доставляли нам обоим истинное удовольствие.

В это время она неспешно доставала из старинного буфета две чайные пары, за которыми следовала вазочка с зефиром и мармеладом. Ее обращение: «Галочка, мой милый, нажми, пожалуйста, кнопку» давало мне благословение на включение пузатого электрочайника, вальяжно расположившегося на журнальном столике между стопкой свежих журналов и геранью в глиняном горшке. Так начиналась чайная церемония, когда Тамара Иосифовна будет потчевать меня чаем с мятой и ромашкой из своего сада.

Я обожала это время. Вообще забывала обо всем, как только оказывалась в этой квартире, словно застывшей в конце семидесятых. Мне нравилось здесь все: и эти выгоревшие обои с корзиночками роз в золотой окантовке, и черно-белые фотографии серьезных мужчин и

женщин в пожелтевших бумажных рамках на стенах, и множество различных стеклянных фигурок в серванте с хрусталем, и красный поблекший ковер над стареньким скрипучим диваном, и бордовые полинялые от многолетних стирок дорожки на дощатом полу, и множество зелени в разномастных горшках на широком подоконнике.

— Ну а как ты, Галочка, поживаешь? — обращалась ко мне с участливой улыбкой Тамара Иосифовна, когда я отказывалась от третьей чашки ароматнейшего чая.

Я никогда ничего о себе не рассказывала. Нет, хозяйка, разумеется, знала, что у меня есть «молодой человек», что я работаю, и что веду себя в ее квартире вполне «прилично», так как ни разу никто из дома, где я снимала угол, не позвонил ей с жалобой на мое поведение и не наклеял на Фила.

Этот вопрос обычно служил сигналом для начала торжественного процесса оплаты жилья. Тамара Иосифовна богиней поднималась из-за стола, неспешно шествовала к комоду, чтобы взять свои старые очки в оправе, вынужденной держаться благодаря намотанной изоляте, и большой талмуд — тетрадь учета расходов и доходов.

Она возвращалась за стол, раскрывала свои записи и детским каллиграфическим почерком

выводила сегодняшнюю дату, мои ФИО и сумму, которую я вносила, и которая благодаря ее милости на протяжении вот уже долгого времени оставалась неизменной и практически символической.

После этого мне предлагалось проверить точность и верность занесенной ею информации и поставить свою подпись в случае полного согласия, что я незамедлительно и делала.

Так было всегда, но вот сегодня... Что-то произошло, сейчас, или чуть раньше, и я еще не знала, что именно, но уже чувствовала, что это случилось. Такое бывает. Это как предощущение чего-то грядущего, о чем ты догадываешься по необъяснимому волнению и мурашкам, бегающим по вздыбленной коже.

Любые перемены в своей жизни я всегда воспринимала довольно болезненно. Страх перед неизвестностью сопровождал меня буквально с младенчества, а вернее, с пяти лет, когда моя жизнь изменилась кардинальным образом и все перемены, входящие в мою жизнь, не зависели от меня и были мне не подвластны. И вот в последнее время они сыпались на мою бедную голову в изобилии, а привычка принимать это философски еще не выработалась.

Поэтому, когда я, как всегда, чуть смущенно пожала плечами на вопрос доброй женщины и проямлила, что у меня все хорошо, Тамара

Иосифовна поднялась, чтобы совершить свое ритуальное шествие к комоду, а я застыла на месте, и у меня отчего-то пересохло в горле.

Она уже возвращалась со своей потрепанной тетрадкой, а я даже еще не достала деньги, и, заметив это, пенсионерка вопросительно и с полуулыбкой уставилась на меня, как бы ободряя быть смелее.

— Тамара Иосифовна, — проговорила я, в пух и прах разбивая устоявшийся за долгие месяцы порядок и протокол. — Я пришла сказать вам... — самое смешное, что я не знала, что сейчас скажу.

Мои мысли крутились в голове, как перемешиваются ингредиенты в миксере, и было невозможно рассмотреть, а тем более понять хоть одну из них, но я чувствовала, что готовится что-то грандиозное, причем, по незнакомому мне рецепту.

— Тамара Иосифовна... — проговорила я и снова замолчала.

Женщина улыбнулась, и это придало мне уверенности. Нет, я не стеснялась эту старушку, не робела при ней, и мне нечего было стыдиться. Но вопрос, который зрел в моей голове несколько дней и не был мне ясен, вдруг нашел свой ответ, и вот это-то меня и смущало. Как будто я ломала голову над чем-то важным, а все разрешилось само собой, без моего участия и мучительной мозговой атаки.

— Милочка, с тобой все в порядке? — решила

подтолкнуть меня к какому-то действию женщина. — Может, еще чайку?

— Нет, спасибо. Очень вкусно, правда, но мне достаточно, — я вдруг поднялась. Деньги я так и не достала из кармана, и Тамара Иосифовна отметила это с какой-то грустью во взгляде.

— Может быть, у тебя сложности, Галочка, и тебе пока нечем заплатить? — предположила чуткая женщина. — Так я подожду. Честное слово, я не пропаду. У меня черед два дня пенсия, Наташенька, такой добрый человек, приносит мне ее на дом, так что ничего страшного нет. Ты не стесняйся, если надо подождать, ты скажи. Ну, смелее.

— Спасибо вам большое. У вас очень хорошая квартира, и мне было приятно в ней жить, зная, что вы не выбросите меня на улицу просто так, без предупреждения. В вашем лице я нашла добрую мать, или скорее добрую тетушку, готовую понять и прийти на помощь. Но я пришла сказать вам... что я больше не могу снимать у вас квартиру. У меня произошли некоторые изменения в личной жизни, и поэтому я больше не нуждаюсь... понимаете... Простите, что я не предупредила об этом заранее, — «сама не знала», проговорила я мысленно, и вдруг испугалась, что подвела ее, что огорчила таким скоропалительным решением, и оставила старушку без ощутимой финансовой

поддержки. — Если хотите, я найду вам жильца, — тут же добавила я.

Женщина снова улыбнулась. Она, конечно, удивилась, но ничего не стала мне говорить.

— Спасибо, Галочка, найти нового жильца не составит проблем. А что же у тебя произошло, если не секрет? Уж не замуж ли ты собралась, а? Говори, признавайся, это так?

Я заставила себя улыбнуться и пожала плечами как-то так неопределенно, мол понимаете, как знаете.

И женщина оставила меня в покое. Она любезно проводила меня до двери, душевно попрощалась, и в порыве какой-то нежности я вдруг обняла ее, что вызвало у нее вздох, аи она похлопала меня по плечу.

— Всего тебе хорошего, Галочка. Будь счастлива в своей новой жизни, и, если тебе нужна будет помощь, обращай ко мне. Дорогу ты знаешь, дверь тебе всегда будет открыта. Здесь тебе рады, — напутствовала меня Тамара Иосифовна, и у меня аж глаза защипало от близких слез.

Я шла по улицам, сунув руку в карман и зажав в потной ладошке свои жалкие купюры, и рассуждала о том, что же сейчас произошло.

Эта женщина благословила меня на новую жизнь, а жизнь эта не связана с Филом. Это что-то новое, о чем даже я еще не знаю. И все пока

складывается так, что и сны подталкивают меня к какому-то решению, и одобрение доброй женщины уже дано, и урок таинственным «ангелом-боксером» преподан, и планка поднята, а направление нового пути не указано.

И ведь если подумать, даже затрещина Филя может служить, если правильно на это посмотреть, без лишних эмоций, стартовым выстрелом.

Что ж, определенно, я на пороге чего-то грандиозного в своей жизни.

Только... только вот придется на какое-то время вернуться к матери, а там Валька. И это уж никак не назовешь чем-то приятным в моей жизни. Это скорее шаг назад, чем к чему-то новому.

ГЛАВА 12. «Озорная семейка»

Я часто думаю, что проживи мой дядя дольше на этой земле, все в моей жизни сложилось бы по-другому. Но в том-то и дело, что я не могу сказать, что жила плохо в доме маминых родственников. Дядина жена не обижала меня, не обзывала и ни разу за всю жизнь не подняла на меня руку. А то, что была ко мне равнодушна, так ведь насильно мил не будешь, и невозможно заставить кого-то любить, когда тебе навязали маленькое болезненное существо практически насильно.

Я, как и другие дети, читала сказки про бедных разнесчастных падчериц, но моя мать никогда не ассоциировалась у меня со злобными мачехами из этих историй. Нет, она была не такая. Эта женщина не жаждала моих «капиталов», доставшихся мне в наследство, и не мечтала извести меня, и не обременяла домашними делами больше, чем было положено. Мы даже в своей комнате, когда жили с Валькой вместе, убирались по очереди.

Просто в один момент у меня не стало любви, меня перестали баловать, качать на руках и нажимать на кнопочку-носик. Меня больше не кружили по комнатам, не включали музыку, чтобы потанцевать вместе со мной, и не читали книжки, изменяя голоса, чтобы волк отличался от собачки, а лисичка от зайчика.

Со смертью мамы я просто попала в обычную жизнь, где не было места для чуда и праздника.

Валька злился до позеленения, что я нарушила его покой, когда в его комнате поставили еще одну кровать — для меня. Его целью стало каждый день изводить меня, чтобы донести до меня мысль, как нагло я поступила, ворвавшись в его размеренную спокойную жизнь.

Самым большим кошмаром для меня вначале нашего с ним навязанного взрослыми общежития была одна фотография, которую Валька

демонстративно повесил на свой ковер над кроватью. Не знаю, чего уж такого страшного в ней было, но в пять лет снимок японского борца сумо вызывал у меня крик ужаса всякий раз, когда Валька со смехом подносил его к моему лицу. Других бедняжек пугали пауками или грязными носками — и такое бывало в жизни моих одноклассниц — а меня лишал воли к жизни и сопротивлению вид жировых складок японского спортсмена.

Щипки, затрешины и подзатыльники я получала каждый день, потому что, по мнению Вальки, вела себя не так, как должна была. Я вообще заслуживала хорошей порки, но он ограничивался лишь поверхностным наказанием, как сам и пояснял мне в пылу откровения.

Валька не мучил животных, не обижал никого во дворе, ему хватало меня, а перед своими родителями он вел себя как примерный сын, и его ни разу за всю нашу совместную жизнь даже не наказали!

Я никогда не жаловалась на него, потому что лишней раз увидеть равнодушные глаза матери было, наверное, еще хуже. А дядю просто боялась опечалить. Этот добрый человек непонятно как затесался в семью, где царили холод и равнодушие. Он был единственным радужным пятном в беспросветной серой мути моей жизни, но длилось

это недолго.

Когда мне было восемь, дядя погиб. Сбила машина, когда он переходил дорогу на зеленый свет. Вторая смерть за мою короткую жизнь потрясла меня. Я несколько недель не могла ни говорить, ни есть, и для Вальки стало идеей фикс накормить меня и вызвать на разговор. Он тыкал мне в лицо ложкой с едой, размазывая еду по заплаканным щекам, или обливал компотом, постоянно обзывая и таким образом провоцируя на разговор.

Мать не видела, что происходит в жизни ее детей, или закрывала на это глаза, я до сих пор не знаю, и привыкла к мысли, что должна защищаться сама. Но силы были не равны, и каждую ночь я плакала, накрывшись одеялом.

В четырнадцать лет все прекратилось как по волшебству. Прямо в мой день рождения произошло два чуда, которые потрясли меня до глубины души. Во-первых, мать преподнесла мне самый ценный подарок: шкатулку, знакомую по моему счастливому детству. Дешевая коробка, обтянутая черным бархатом, служила моей родной маме местом хранения для драгоценностей. Да какие уж там драгоценности, так, ерунда: пара серебряных и золотых сережек, два золотых перстня, обручальное кольцо и цепочка с крестиком. Вот и все богатство.

Я думала, это все пропало, или досталась кому-нибудь из дальних родственников, и никак не ожидала, что жена дяди сбережет эти вещи для меня, чтобы вручить в день рождения. Она вошла в комнату, где я сидела с одноклассницами, и с равнодушным лицом отдала шкатулку.

— Теперь это твое, и ты можешь распоряжаться этим по своему усмотрению, — сказала она и тут же вышла.

Моему счастью не было конца. Девчонки по очереди заглянули в шкатулку и даже немного разочаровались — по их мнению, золота было слишком мало, а я сияла так, будто выиграла миллион.

Вечером, проводив гостей, я убежала к себе в комнату и перебирала дорогие сердцу украшения как что-то необыкновенное, ведь это напомнило мне о счастливом времени. Я словно видела мою маму, устало сидящую перед трюмо. Она что-то рассказывала мне, пока неспешно снимала серьги, кольца и цепочку и аккуратно убирала это в свою шкатулку. Иногда она разрешала мне взять ее поиграть, и я благоговела перед этой красотой.

И вот я обливалась слезами, целуя каждое колечко, которое для меня было дороже любого бриллианта, потому что хранило тепло маминых рук, напоминало о ней, и эти дорогие воспоминания, пусть ненадолго, возвращали меня в

мое счастливое детство.

Второе чудо было даже посильнее первого: с утра Валька меня ни разу не ударил. Вот просто как отрезало. Напрочь. Ну просто потрясающий подарок на мой день рождения!

С того памятного дня моего четырнадцатилетия Валька так больше ни разу ко мне и не прикоснулся. Только ненавидеть, кажется, стал еще больше. Прямо глаза горели в попытке испепелить меня, как только меня видел. Будто от того, что по неизвестной мне причине он не может ко мне прикоснуться, его неприязнь ко мне чудовищно возросла. А мне что — мне бы только побыстрее прошмыгнуть в свою комнату и закрыться там от его до невозможности страшного взгляда.

После того, как нашу с мамой квартиру дядя удачно продал, как и свою собственную двушку, в которой мы ютились с Валькой в одной небольшой комнате, мы переехали в новую четырехкомнатную квартиру, и к семи годам у меня была своя собственная отдельная вселенная. В ней я укрывалась от Вальки, отсиживалась на протяжении всей моей жизни в этом доме, когда к нему приходили его друзья-одноклассники, или позже, когда у его великовозрастных дружков пробились усы и ломкий голос сменился на бас.

Мой неугомонный братец упорно и неизменно

давал им всем одну установку: я самое мерзкое существо на свете, достойное презрения и насмешек. В основном, большинству было все равно, они посмеивались надо мной, так как хозяин квартиры им это разрешал и даже всячески поощрял, но некоторые ребята недоумевали, почему это так, ведь сами они находили меня вполне симпатичной девчонкой.

— Симпатичной?! — взревел однажды Валька, когда со своими дружками решил загнуть пары в универе и отсидеться у нас, закупив несколько упаковок пива, благо мать проторчит на работе до позднего вечера. Мне же не повезло: я сидела на больничном. — Да она уродка! Ты что, дебил, не видишь, что ли? У нее нос как шнобель, и глаза, как будто ей ноги отдавили. А размер ноги! Ты видел, какие у нее ласты? Да на нее без водки и не взглянешь! Я спать боюсь, чтобы она мне не приснилась. Так она еще вдобавок и тупая как пробка!

Парни смеялись, пытались что-то возражать, но убеждались всякий раз, что Валька от этого только зверел.

— Да ну тебя, псих, — буркнул однажды его приятель, высокий кудрявый брюнет, который один из его компании всегда здоровался со мной, если я имела несчастье оказаться у них на пути.

Как-то раз этот юноша встретил меня на

улице, когда я возвращалась с базара домой с покупками на всю семью, и решил проводить до дома, донести тяжелые сумки.

— Как это Валька разрешает тебе носить такие тяжести, — проговорил он, удивившись весу, который я привычно тащила на себе. — Ты же девушка, тебе такое поднимать нельзя.

Я насмешливо хмыкнула.

— Валька мне это и поручил, — сообщила я ему.

За много лет неприязни у меня выработался иммунитет, и оскорбления брата уже не доставляли столько страданий, как в первые годы жизни с ним под одной крышей. К пятнадцати годам я могла уже разговаривать о нем без слез и страданий.

— Он что, совсем того! — возмутился мой спутник. Я лишь равнодушно пожала плечами, не было смысла подтверждать очевидные вещи. — В следующий раз, как соберешься на базар, сообщи мне, лады? Я буду твоим носильщиком, — брюнет улыбнулся.

Я до сих пор помню ту милую улыбку, и ямочки на щеках, и пушистые ресницы, и веселые кудряшки, лезущие в глаза. Красивый парень.

Когда Валька увидел нас вместе, он чуть с балкона не выпрыгнул к нам навстречу, и почти в одних трусах выскочил на улицу, чтобы разобраться с этим делом.

Он орал на друга, чтобы тот оставил меня в покое и не смел позориться. Разгневанный узурпатор проигнорировал тяжелые сумки, зато чуть ли не плевал мне в лицо, и клялся, что если я еще раз попытаюсь соблазнить кого-нибудь из его друзей, то он мне выдаст, и мало мне не покажется. И вообще он мне шею свернет мою куриную. И все в таком ключе. А когда кудрявый интеллигент попытался его образумить, Валька набросился на него с кулаками, и они серьезно подрались.

Расстроенный друг наскоро попрощался со мной и ошарашенный ретировался, ничего не понимая в наших сложных родственных взаимоотношениях. Да я и сама не понимала, чем же так сильно раздражала своего братца на протяжении долгих лет.

С тех пор я уже сама обходила за километр всех, кто мог хоть каким-то боком быть знаком с моим братцем.

Валька ненавидел меня лютой ненавистью и считал самой гадской уродиной, постоянно твердил, что мне лучше повеситься, чем всю жизнь прожить с такой внешностью, как у меня. Но однажды, когда заявился домой сильно-сильно подшофе, я думала, что сама его убью. Если выживу.

Я знала, что он ушел на день рождения к другу, и ждала его за полночь, как бывало обычно в

таких случаях. О масштабе предполагаемого торжества я услышала накануне от матери: отец лучшего Валечкиного друга снял ресторан, чтобы с размахом отметить двадцатилетие любимого сына.

Валька же появился часов в шесть вечера. Я услышала его шаги в прихожей и сильно удивилась, но даже не выглянула — мне что, больше всех надо? Валька долго топтался в прихожей, несколько раз прошелся мимо моей комнаты, и всякий раз у меня замирало сердце, когда казалось, что его шаги замедлялись рядом с моей дверью.

Я затаилась и даже светильник над диваном выключила, чтобы он подумал, что я сплю, или меня вообще нет дома.

Чего он так рано приперся? Поругался что ли с кем? Зная его взрывной характер, я особо не удивлялась, хотя это со мной он такой несдержанный и не следит за словами, а с другими он знал, как себя вести, и на всех производил впечатление «хорошего мальчика». Соседские бабушки, например, его просто обожали и души в нем не чаяли, а среди своих друзей он слыл весельчаком-красавчиком и пользовался бешеной популярностью у девушек.

На какое-то время шаги в коридоре стихли, и я уже спокойно перевела дух, собираясь вернуться к чтению увлекательного любовного романа, когда дверь в мою комнату неожиданно распахнулась от

громкого и внушительного пинка. Валька застыл на пороге темной глыбой, и только глаза его блестели подозрительно ярко. Они постоянно вращались, будто он был не в силах заставить себя сфокусировать взгляд на чем-то, и я решила, что он пьян настолько, что просто перепутал комнаты.

— Валь, ты чего? — я поднялась с дивана, на котором лежала — Хочешь, я провожу тебя в твою комнату? — я осторожно приблизилась к нему и хотела взять его за руку, так как его пошатывание наводило на мысль, что в самый ближайший момент он может потерять равновесие, но как только я прикоснулась к его локтю, он будто взорвался.

Отпрянув, Валька стал поносить меня самыми грязными ругательствами, называя шлюхой и чем похлеще. И это в то время, когда я была девственницей чистойшей воды, и даже ни разу не целовалась ни с одним парнем в свои шестнадцать лет!

Он что-то кричал, сыпля проклятья и унижая, пытаясь втолковать мне, какой же я урод, потрясал своими внушительными кулаками перед моим лицом, и вдруг прыгнул на меня и повалил на пол. Это было так неожиданно, что я даже испугаться не успела. И это после нескольких лет холодной войны без единого прикосновения! Я подумала, что он просто не удержался на ногах, настолько был пьян.

От него, действительно, так разлило спиртным, что я подумала, что он накачан по самое не хочу и сейчас просто заснет прямо на мне, как на диване, но не тут-то было.

Он вдруг принялся расстегивать мою кофточку, вернее, попытался, а когда понял, что ему не справиться с этим непростым делом, стал ее рвать.

Я замерла, не в силах пошевелиться. Сказать, что я была ошеломлена и обескуражена — это сильно обесценить те эмоции, которые обрушились на меня в тот момент.

— Что, думаешь, можешь просто так издеваться надо мной, да? — бормотал он, разрывая тонкую ткань домашней блузы на моей груди. — Думаешь, тебе ничего за это не будет, да? Все! — он еле ворочал языком, но опьянение не смягчило черты его лица. Мне казалось, что таким злым я его еще никогда не видела. — Мне надоело тебя терпеть, мелкая шлюшка! Какая же ты тварь! Как же я тебя ненавижу!

Я так перепугалась, что не могла даже крикнуть. Матери не было дома, и я вдруг подумала, что он не просто надо мной надругается, а может, даже убьет.

Его брезгливость не должна была ему позволить ко мне прикоснуться, ведь он все время твердил мне, как я ему противна, а тут такое дело.

Значит, его ненависть дошла до края, и теперь только моя смерть успокоит его.

Он был таким тяжелым, что я стала задыхаться под грузом его тела, а лицо перекосило от злобы вперемешку с еще какими-то чувствами, и я заплакала от страха.

Я принялась бороться с ним, но не смотря на свое состояние, он по-прежнему оставался сильнее меня. Он словно только и ждал, когда же я начну сопротивляться, и с наслаждением ударил меня по лицу. Кровь хлынула из носа, и с ядовитой усмешкой он принялся размазывать ее по моим щекам. Все же я кое-как столкнула его с себя, после чего отползла к стене и забилась в угол. Он пытался еще раз наброситься на меня, но я подтащила к себе стул и подняла его дрожащими руками над головой.

Его злобная усмешка не могла больше подавлять меня. Напротив, она словно придала мне сил, и, подскочив к нему, я обрушила на его голову удар, в который, как мне казалось, вложила все силы. Он отбил его рукой, но при этом ему досталось не по-детски, и он отскочил к двери.

Воодушевленная первым успехом, я двинулась на него, и он решил, что лучше всего оставить меня сейчас в покое. Громко матерясь Валька ретировался в свою комнату.

Я захлопнула дверь и подперла ее тем самым стулом, который спас меня от позора и унижения. Я

проревела весь вечер, думая о том, что больше не смогу жить в этом доме.

Утром я вышла на кухню, только потому, что там была мать. Мне вдруг подумалось, что Расскажи я ей о вчерашнем, она просто не поверит мне, и даже обвинит в коварстве и попытке опорочить ее сына, а Валька подыграет ей, и я стану еще большей таврю, неблагодарной и подлой.

Валька посмотрел на меня как ни в чем ни бывало, то есть с обычной и ставшей привычной для меня ненавистью. Но в это утро он и с матерью был хмурым и неприветливым. У бедняги раскалывалась голова, и мать заботливо готовила ему какое-то «народное лекарство», чтобы у мальчика были силы пойти на учебу.

Только в коридоре, когда я собиралась одеваться, чтобы идти в школу, процедил сквозь зубы:

— Расскажешь матери — убью, и всем сообщу, что ты шлюха.

Школу в тот день я прогуляла. Ушла в парк, забрела на дальнюю дорожку, уселась на старую поломанную скамью, и дала волю слезам.

После этого уже ни разу он не прикоснулся ко мне. И даже старался не смотреть в мою сторону, будто меня и не было вовсе.

Через пару месяцев произошло одно событие, которое сделало меня счастливой: Валька привел в

дом девушку. Милую такую, скромную и симпатичную. Он объявил матери, что у них с Няшей любовь, и он уходит жить к ней.

Счастье мое продлилось не долго. Через пять месяцев Няша наскучила моему братцу, и он вернулся в отчий дом.

Радости матери не было предела, но уже через пару недель Валька нашел новую «няшу», и снова покинул гнездо.

Так продолжалось довольно долго. Менялись девушки, и срок отсутствия был разным, но в итоге Валька всегда возвращался домой. И такой же неизменной оставалась его неприязнь ко мне. С годами она не ослабевала, на что я в душе надеялась. Он только стал выражать ее иначе, просто смотрел сквозь меня, словно давно вычеркнул из списка живых. Когда мы собирались все втроем на кухне, он вел себя так, будто их с матерью только двое, и меня это устраивало.

Последние полтора года я сама скиталась по разным углам, пока Тамара Иосифовна не предоставила мне свою квартиру, и вот через несколько дней мне предстояло вернуться домой, где Валька прожил эти полтора года безвылазно.

ГЛАВА 13. Под крышей дома своего

Несколько дней пролетели как один, быстро и

невзрачно. Я спала, ела и слонялась по дому. Пару раз звонила Пчелка, узнать, как у меня дела. Сама она сейчас переживала бурный роман со своим начальником, и немного беспокоилась, что забросила меня. Но поскольку ей было известно, что я под «надежным» крылом Филя, этим она себя и успокаивала.

Всякий раз, как моя подружка звонила, разговор начинался традиционной фразой: «Галка, ну как хоть ты?» и тут же, минуя долгие сантименты, переходил на подробности ее личной жизни. Я с удовольствием слушала про интриги, которые Пчелка искусно плела, будто она не пчелка, а махровый паук, собаку съевший на плетении паутин.

Да, если честно, чтобы поймать такую добычу как ее директор, мало быть просто пышной красоткой с кукольным личиком и бархатными ресницами. К этому не мешало бы еще и мозги прилепить. Так что этой девушке была по плечу такая «работенка». А с ее железным самообладанием и чувством собственного достоинства скучать никому не приходилось. Девочка она всегда была умненькая, хитренькая и безумно обаятельная. Так что... все у нее складывалось отлично, и пчелкин работодатель млел в лучах ее обаяния и далеко идущих обещаний.

— Ну а ты-то как? — спохватывалась моя подруга в самом конце беседы, когда ей пора уже было куда-то бежать и что-то делать.

— Да у меня все в порядке, — отвечала я всегда, и то же самое сообщила вчера.

Да, слукавила. Изменения, конечно, были, но пока только у меня в голове. Зрело что-то необыкновенное и мне самой пока непонятное, но не говорить же ей о домыслах! Не тот она человек, чтобы слушать пустые разглагольствования.

К тому же, скажи я ей про Фила, вся буря чувств, которую я старательно утихомиривала внутри, вновь поднимется, а тратить эмоции на это я больше не хотела. Мне и так спокойствие далось нелегко. Вновь переживать те неприятные моменты я не желала ни за какие коврижки, а Пчелка обязательно приехала бы с каким-нибудь тортиком, чтобы выяснить все подробности и обстоятельства: «Как он тебя ударил? Где ты стояла? Как он посмотрел? А ты что сделала? Больно? Плакала? А ты ему, надеюсь, звезданула, чтобы мало не показалось? Как? Что я слышу! Ты ничего не ответила? Как спать пошла? И все?».

Нет, этого я не хотела. Поэтому у меня как обычно все было хорошо. Я даже про потерю работы не сказала. Зачем отвлекать счастливого человека, который задумал вдруг выйти замуж! О чем рассказывать? Как я пять копеек

выцарапывала? Да уж, работодатель работодателю рознь.

Фил часто и надолго пропадала по делам, и заявлялся уже за полночь, когда я старательно делала вид, что смотрю девятый сон. Он ложился рядом, даже не прикасаясь ко мне. Я ловила себя на мысли, что хочу, чтобы он провел ладонью по моему плечу, или склонился над моим лицом, чтобы тихонько поцеловать, или пусть бы просто прижался ко мне, чтобы так и заснуть. Но он просто плюхался рядом, тяжело вздыхал, потом зевал, а вскоре начинал мерно сопеть, будто меня рядом и не было. Спасибо, что хоть помехой меня не считал.

А я лежала и сознавала, как до чертиков мне не хватает нежности. По сути, оказалось, что мы с ним совершенно чужие люди. Уж точно дышим не в унисон. Наверное, мне нужно больше, чем он может дать, но вот что мне нужно? Что это — то большее, о чем я так тоскую, сама ничего не понимая?!

Несколько раз я бегала к Шашке за моральной поддержкой, а точнее, на пиво. Нет, сей хмельной напиток я никогда не жаловала, ну не пошел он у меня с самого первого раза, и принуждать себя я больше не пыталась. Я просто сидела на огромном мягком диване и, пуская слюнку, наблюдала, как Шашка со знанием дела, с чувством, толком, расстановкой разделявает соленую рыбку, щедро

делясь со мной и Линой. Лина смаковала ее с пивом, как и ее возлюбленный, что вызывало у меня некоторый диссонанс — утонченная натуральная блондинка, манерами подходящая на благородную эльфийскую царевну, держала в руках большую пивную кружку и, закрыв от удовольствия глаза, потягивала пиво, мусоля соленые кусочки вяленой рыбы.

Шашкины родители, выйдя на пенсию в прошлом году, переехали жить в деревню, и трехкомнатная квартира с евроремонт и всеми удобствами досталась парню. Лина вошла в нее практически хозяйкой, и содержала в образцовом порядке, наведя здесь еще больший уют на свой вкус. Шашке нравилось, и мне тоже, поэтому я всегда отдыхала и душой и телом в их доме.

Так было всегда. Я и в детстве часто убегала сюда после очередного Валькиного внушения о том, что я крыса и чучело, и проводила здесь много времени. Мы играли в лото, в разные ходилки, что-то вместе рисовали. Мы никогда не ругались и ни из-за чего не сорились: Шашка всегда умел уступать. Это и в совместной жизни с Линой ему очень помогает. Они практически никогда не ссорятся и уж точно не ругаются. И Лина, я уверена, никогда не ревет укладкой. Эх, счастливая...

Шашка, он вообще для меня как... как весы. Да, точно. Когда Валька унижал меня, пытаюсь

внушить комплекс и сломать меня морально, Шашка становился тем противовесом, чья доброта и мирный посыл всегда утихомиривали бурю в моей душе, и его дружеское отношение ко мне никогда не позволяло самооценке пострадать слишком сильно, и невосполнимый урон моей психике Валька так и не сумел нанести. Виной тому Шашка, этакий вселенский уравниватель справедливости, примиряющий меня с действительностью и надолго поселяющий в мое бедное детское сердце мир и покой.

Но и Шашке я ничего не рассказала о себе, впрочем, как всегда. Он ведь ни разу не узнал, какой Валька на самом деле.

В воскресенье, последний день моего пребывания в квартире добрейшей Тамары Иосифовны, я проснулась рано, часов в пять. Фил спал, обняв подушку, и не услышал, как я поднялась.

Я собиралась исчезнуть, как героиня романа, тихо и незаметно, не оставив о себе ни одного напоминания. Ну, далеко я-то, в отличие от прекрасной героини, не убегу, лишь в соседний двор, но, как говорится, факт есть факт: уйду я от Фила!

Я не позволяла себе думать о потере, не раздражала в себе голодного зверя, ненасытного и жаждущего его мужских прелестей, или как там про

мужчину можно сказать, достоинств, что ли? В общем, даже не пришлось себе запрещать об этом думать, потому что ощущение было, как будто мне на голову нацепили какой-то колпак, и он сам блокировал все мысли и даже чувства, и все, что я делала в последние дни, я наблюдала как бы со стороны. Будто это я, и не я в то же время. И это было так интересно!

Я не знала, что сделаю в следующее мгновение, но делала, и все было так, как надо. Я даже не понимала, к чему я в итоге приду и чего добьюсь, но шла и не собиралась останавливаться.

Так накануне вечером я сложила большинство своих вещей в две большие спортивные сумки (зимние вещи находились дома у матери, так что скарб мой нельзя было назвать многочисленным), а то, что намеренно оставила на виду, чтобы не вызывать Филиных подозрений, собирала сейчас: косметику, зубную щетку, книги, диски.

«Старухин» перстень я оставила на тумбочке у кровати, чтобы Фил, проснувшись, мог наслаждаться прекрасным эстетическим видом качественного драгоценного изделия. Рядом положила записку, в которой сообщала, что вернулась жить к матери, что квартиру сегодня вечером надо освободить и просто захлопнуть дверь (ключ я оставила у своей соседки, приятельницы Тамары Иосифовны), и все, пусть не

поминает меня лихом, и я тоже все ему прощаю.

Быстро оделась, с кряхтением подняла сумки и тихо вышла из квартиры. Закрыв дверь, я словно отрезала себя от того мира, в котором оставался самый красивый и желанный мужчина, которого я только встречала. Носком ноги поправив половичок перед дверью, подумала, что перелистнула еще одну страницу своей жизни. И в этот момент я уж точно не испытывала ни горечи, ни чувства потери. Так бывает, когда оставляешь насиженные места и уезжаешь в какие-то дали, и грусть потери присутствует, но не может быть глубокой, потому что радость новых открытий пересиливает.

За десять минут я проделала свой путь из одного мира в другой и, сбросив с плеч ставшие многотонными за время пути, сумки, открыла дверь своим ключом. Это была моя квартира, я имела на нее равные со всеми права, и никто не мог мне запретить сюда вернуться. И только та атмосфера, что царила здесь, не позволяла сделать это раньше, а наоборот, гнала прочь.

В доме было тихо и темно, предрассветные сумерки безраздельно царили повсюду, и я разделась, не включая света. Прошла на кухню, поставила чайник, и через пару минут с горячей чашкой чая сидела за столом в тихой задумчивости.

Не знаю, сколько времени прошло, за окном уже посветлело, и где-то тихо зазвенел будильник.

Мать или Валька? По шагам узнала брата. Тяжелая поступь взрослого мужчины — я не спутаю ее ни с чем.

Потирая глаза, Валька вошел в кухню в одних боксерах, и замер на месте. Он не испугался, но изумление на его лице было таким явным, что я мысленно хмыкнула. Что не ждал, братец?

Вот он стал приходить в себя, я видела, как меняются на его лице эмоции, вот пришло осознание, что он практически голый, стоит перед девушкой, пусть даже она его двоюродная сестра, и что у него утренний, хм... того, ну да ладно, обычное дело, что я, маленькая что ли.

— Не могла предупредить? — пробасил он хриплым со сна голосом, выскакивая из кухни и прячась в ванной.

Бедняжка, так и не попил водички. Ладно, из-под крана утолит свою жажду, ничего с ним не случится. А он вроде потолстел. Нет, он не заплыл жиром, конечно, только лицо стало покруглее, и сам вроде уплотнился, заматерел, этакий крепыш. А мышцы видно, что качает, и за собой следит. Вполне такой мужичок получился, очень даже ничего.

Сколько ему сейчас? Тридцать три? О, самое то, просто идеальный возраст! Знать бы только, идеальный для чего? Семьи Валька так и не создал пока, насколько мне известно, большим карьерным

взлетом похвастаться не может, так, средненький пацанчик, звезд с неба не хватает, на журавлей не заглядывается, и у него так и не появилось постоянной девушки.

Впрочем, мне ли его судить? Все то же самое можно сказать и про меня. Разве это главное в жизни? А что тогда? Знать бы, что самое главное, чтобы не терять время впустую и идти к своей цели, мечте, на свет заветной звезды.

Ладно, романтика утра в этом доме дело редкое. Одетый и умытый Валька вошел в кухню немного хмурый и молчаливый, как-то неуверенно прошел к столу. Я тут же вскочила и налила ему чаю, достала сахарницу и, приподняв вопросительно бровь, посмотрела на него. Он немного растерянно кивнул, и я положила сахар, две ложки, как он всегда любил.

Я не заискивала перед ним, нет, просто привычка, которую выработал у меня Фил, побуждала что-то делать, если на кухне присутствовал мужчина, заботиться о нем и ухаживать. Это получилось легко и непринужденно, а на Вальку произвело такое сильное впечатление, что он надолго замолчал, задумчиво глядя на чайники, оседающие на дно прозрачного бокала.

— Как живешь? — прорезал вдруг тишину его голос, и я даже недоверчиво взглянула на него,

чтобы удостовериться, что это он спросил, и именно у меня.

— Да нормально, — пожала плечами, отхлебывая чай. — Я в предбаннике.

— В холодильнике колбаса, если хоч... чего? — он уставился на меня, и я увидела, что он начинает сердиться, будто я позволила себе наглость посмеяться над ним. Глупый. Не над ним, над собой, и не посмеяться, а так, поиронизировать. Знал бы он, что я сейчас чувствую, и как далека от того, чтобы сводить с ним давние счеты! Мне теперь не до ерунды. Я действительно в предбаннике, ну или в приемной, ожидаю аудиенции у судьбы, чтобы понять дальнейшие ее планы и получить направление для своего жизненного пути, или пройти очередную головомойку.

— Я пока здесь поживу. Ты как, переживешь это? — я искренне улыбнулась ему, и Валька хмыкнул, уткнувшись в свою чашку.

Я успела заметить, как сверкнули его глаза. Неужели обрадовался, что жертва сама пришла к нему в руки? Ну-ну, посмотрим еще, кто кого гнобить будет.

— Ты все там же работаешь? — решил он поддержать разговор. Видимо, тишина напрягала его, и он желал скрыть чувство неловкости. Неловкости? Валька? Я, наверное, просто не

проснулась еще.

— Нет, я уволилась, и сейчас в свободном поиске.

Брат пристально на меня посмотрел. Ему что, все кажется, что я шучу или разыгрываю его? Много о себе думает.

— Вообще-то, в свободном поиске обычно ищут мужа, — проговорил он.

— И это тоже, — я согласно кивнула. Главное, не думать о Филе. До сих пор это удавалось мне виртуозно.

Валька вдруг отодвинул чашку и уставился на меня, такой внимательный и серьезный. Я спокойно встретила его взгляд. Красивые у него глаза, миндалевидные, карие, ярко очерченные угольно-черными ресницами. Я давно подозревала, что в их роду не обошлось без восточных кровей, иначе такой красоты он бы ни за что не достиг.

— Что, рассталась со своим мачо? — проговорил он, убедившись, что я не вру. Кривая усмешка перечеркнула бледное лицо, но ведь не чужой беде он радуется, правда?

— Да, все в жизни когда-то надо менять, — беспечно ответила я, делано не замечая издевки в его голосе, — если это перестает работать и больше не делает тебя счастливой.

— И работа и любовник надоели одновременно? — он что, полагает, что подденет

меня? Да после того, как я следователя прокуратуры разделала под орех, мне, такие как Валька, на один зуб! Раскусить и выплюнуть.

— Представляешь — да! До чертиков. И я бросила обоих! — заявила я гордо, попивая чаек.

По Валькиной наводке я заглянула в холодильник и вернулась к столу с батоном вареной колбасы. Валька вдруг тоже поднялся из-за стола и достал из шкафчика хлеб. Округлив глаза в знак благодарности, и не скрывая по этому поводу своего удивления, я приняла протянутый багет и наделала нам целую тарелку бутербродов, которую торжественно водрузила в центр стола.

— И чем думаешь заняться? — проговорил братик с деланным равнодушием, мол, так, поддержания разговора ради. Он протянул мне один бутерброд, другой взял себе. Вгрызаясь белыми крепкими зубами в колбасную плоть, он, прикрывшись челкой, не сводил с меня пристального взгляда.

— Искать, — пожала я плечами, — и то и другое.

Он вдруг престал жевать и как-то странно на меня посмотрел, так что внутри у меня что-то екнуло.

Он откинул длинную челку со лба, и в глазах его в это время я увидела странные тени, они промелькнули и скрылись в самой глубине зрачков,

сменившись ярким светом. Да что ж такое творится-то! Что он сейчас делает? И главное — зачем? Или мне все это кажется?

С пяти лет я знала, что Валька ненавидит меня. С шестнадцати — что хочет. Я понимала, откуда взялась ненависть в юности, но почему с самого детства — это всегда было для меня загадкой.

А сейчас вообще творилось что-то необъяснимое. Непостижимые глаза молодого мужчины пронзительно впились в меня, практически подчиняя своей воле. Это не была ненависть, и не было желание. Но что это было — я бы не взялась дать определение.

Что-то происходило прямо сейчас на этой кухне, витало в воздухе, электризуя его, и вызывая мурашки по телу. Я не могла пошевелиться, не могла отвести глаз, и как замороженная смотрела в лицо человека, который убивал во мне мечту о прекрасном на протяжении всей моей жизни, просто так, без объяснений и видимых причин.

И что же, сейчас он полагает, что может попытаться что-то замутивить со мной? Не на ту напал, конечно, но вопрос в другом: зачем ему это надо?

Я решительно тряхнула головой, разрывая зрительный контакт с Валькой, который сам на себя не был похож в этот момент. Он что, в мое

отсутствие на курсы гипнотизеров ходил, что ли?

— Ну а у тебя как на личном фронте? — заставила я себя проговорить беспечно, изо всех сил делая вид, что не поняла его взгляда и вообще ничего не заметила. Все произошло так быстро и едва уловимо, что только холодок, пробежавший по позвоночнику, говорил о том, что сейчас вообще что-то было.

Валькины глаза как-то моментально померкли, он нахмурился и снова уткнулся в свою чашку.

— Тебе-то какое дело, — буркнул нехотя, и принялся лениво жевать свой на секунду забытый бутерброд. — Все нормально у меня.

— Ой, прости, братик, не знала, что это для тебя так болезненно. Не хотела тебя обидеть. Любовь вообще странная штука. Как она приходит, как уходит — загадка для человечества.

— Да что ты себе... пошла к черту! — процедил он. Он бросил на тарелку недоеденный бутерброд, будто мой вид испортил ему аппетит. Посидел несколько секунд, упершись в стол руками, словно решаясь что-то сказать, и вдруг резко поднялся и направился к выходу. Не так, чтобы резко и нервно, но я видела, что он решил сбежать.

Видимо, кто-то не так давно все-таки разбил ему сердце. Надо же, ну хоть оно у него есть, и то

радость.

— Смотри, не опоздай на работу, — пропела ему вслед.

Он что-то ответил, не слишком лицеприятное, но я все равно не расслышала, нутром почуяв, что лучше и не переспрашивать.

Нет, надо срочно что-то делать: в этом доме я долго не протяну.

ГЛАВА 14. Убить в себе Фи́ла

Мать разбудила меня, когда время близилось к вечеру. Как же здорово спать днем! Но после пробуждения чувствуешь себя пьяной, слабо соображаешь и такая томная вялость во всем теле, что даже не хочется шевелиться.

Оказалось, ко мне пришли, и по недовольному лицу матери я поняла, что ей это не понравилось. Понятное дело: не успела прийти в дом, и уже визитеры. Она ничего не имела против моего возвращения под отчую крышу, но вот мои гости — дело другое. Я поднялась и, зевая во весь рот, пошлепала в прихожую.

Один взгляд на «посетителя» прогнал все остатки сна, и сердце предательски дрогнуло: передо мной стоял Фил. Злой, мрачный и полный решимости свести со мной счеты. Я невольно отступила — если он перейдет к активным

действиям, тут и мать не поможет.

— Ну привет, красавица, — проговорил он медленно с леденящей мою душу улыбкой. После чего демонстративно сомкнул руки в замок и щелкнул суставами пальцев. — Как поживаешь? А я вот заскучал, да. Пришел навестить свою подружку. Ты ведь моя подружка, все верно? Я ничего не перепутал?

У меня сразу резко пересохло во рту, и я не смогла произнести ни звука. А чего, собственно, я так испугалась? Мы не в рабовладельческом обществе живем, и я не являюсь ничьей собственностью. Я вовсе не сбежала, и не прихватила с собой чужие вещи. Кольцо вот на видном месте оставила.

Фил сам, кстати, вел себя так, что мне не светило никакое документально зафиксированное подтверждение наших отношений и какой-либо зависимости друг от друга. Так чего же он от меня хочет? Я не ношу его фамилию, не беременна, слава богу, от него, и не являюсь родственницей олигарха, чтобы он желал держать меня при себе.

Фил же, ничуть не обидевшись на мое молчание, дернул головой, и послышался выразительный хруст шейных позвонков. Он словно разминался перед боем, и мне стало нехорошо, подобная демонстрация силы мне очень не понравилась. Но ведь он не думает меня

избивать, правда?

— Фил, прости, так вышло... — пролепетала я, совершенно не зная, что ему сказать.

И чего черт дернул меня исчезнуть, не прощаясь? Поговорила бы как с человеком, получила бы в глаз, и ушла бы спокойно домой зализывать душевные и физические раны. Так нет же, сыграла в мятежную княгиню, теперь вот расхлебывать придется... Все равно ведь огребу, наверное, только агонию продлила зря.

— Ну, с кем сбежала? С кем меня надула, а?

— Фил, ты чего? Ни с кем я тебя не надувала, что ты, шарик что ли, — но под гневным взглядом красавчика, я тут же примолкла. Он не собирался шутить. — Фил, просто срок аренды квартиры закончился, и... А ты ко мне в последнее время охладел, вот...

— Что? Это я охладел? Это ты какие-то дела за моей спиной завела! — вскричал Фил, недоуменно тыча себя в грудь. — Стала пропадать где-то, на звонки не отвечаешь, с кем ты — я не знаю. Это ты у нас загуляла, не я!

— Да нет же, все не так, — пробормотала я, увидев вдруг, как глупо поступила. Действительно, чего это я сбежала без объяснений... Вот же, поддалась своим фантазиям, призыв из космоса, блин, словила... А мой отвергнутый любовник не собирался успокаиваться.

— Не стесняйся, расскажи мне, где ты, как ты, с кем ты. Ведь это я, твой Фил, а, малышка! — проговорил вдруг он нежным голосом в то время, как медленно приближался ко мне и в глазах его бушевало пламя гнева.

Опять я ущемила его гордость! Что же я за существо такое, если у всех мужиков, с которыми я имею несчастье общаться, из-за меня страдает самолюбие! Их уже больше чем один, и это уже система. Выходит, со мной что-то не так?

— Фил, пожалуйста, — я попятилась. — Остановись, прошу тебя, — я выставила вперед руку, прекрасно понимая, как глупо и жалко при этом выгляжу.

— Что, козла из меня решила сделать, а? — гаркнул вдруг Фил, перестав фальшиво улыбаться. — Думаешь, рога мне пойдут? Отвечай!

От этого окрика я вздрогнула, и мой разгневанный друг, заметив это, засмеялся, хищно обнажив крепкие зубы.

— Фил, уходи, мне надоел твой ор и оскорбления, — проговорила я как можно строже. Но разве с поварешкой идут на бизона? И на самокате не таранят танк.

— Уходи? Так ты меня гонишь? — притворно огорчился зеленоглазый красавчик. — Так значит, ты на самом деле сбежала от меня? — Фил по-прежнему приближался ко мне, а я продолжала

пятиться, благо места в коридоре пока хватало на этот жалкий трусливый маневр.

— Ты не понимаешь, ты все не так понял, — лепетала я.

— Да все я понял! Все! За дурака меня держишь? Позоришь, будто я фраер какой-то! Уважение и страх потеряла, с@ка! Проучить тебя, а? Проучить? Не поняла, с кем связалась? — он воинственно размахивал руками, надвигаясь на меня как неумолимый рок.

Я отрицательно помотала головой. Я по-прежнему не верила, что он может причинить мне вред. Нас столько всего связывало до той поры, пока я не поняла, что мы совершенно разные и чужие. Ну ведь что-то же между нами было! Да пусть хотя бы в память о прежних ночах он меня пощадит!

— Иди сюда, — потребовал он. — Я сказал, сюда!

Я решительно замотала головой, и смело сделала еще один шаг назад.

— Ну скажи мне, детка, в чем это я перед тобой виноват, а? — вкрадчиво проговорил мой обожаемый хулиган. — Я же предупреждал тебя, что от меня так просто не уходят.

— Ни в чем ты не виноват, — с жаром заявила я. — Вообще никто ни в чем не виноват, честно! — но он, похоже, не слушал меня, пребывая на своей

волне.

— С братиком решила сойтись? Что вылупилась? Думаешь, я ничего не знаю? Думала, я не вижу, как он на тебя смотрит? Сколько дыр он уже в тебе просверлил, а? Отвечай, когда я тебя спрашиваю!

— Не считала! — гаркнула и я, не в силах поверить в то, что Фил и правда такое предположил. Он с ума сошел? Это о чем он сейчас говорит?

А мой бывший любовник уже занес руку для замаха и готов был обрушить на меня мощный удар, призванный принести в мою пустую голову толику мудрости и понимания, о которых так ратовал, когда его кисть перехватила мощная рука.

Как в замедленной съемке, я подняла испуганные глаза и встретила с мрачным и решительным взглядом Вальки. Как же вовремя он вернулся с работы! Наверное, никогда в жизни я не была ему так рада.

Фил медленно обернулся, и тут же, как только произошло узнавание, получил мощный удар в челюсть. Его руку отпустили, чтобы ничто не препятствовало его короткому и стремительному полету. Стена остановила парня, и Фил, замерев на месте, с хищной усмешкой стер пальцами кровь с разбитой губы.

— А вот и ёб@рь твой пожаловал, —

проговорил он с глумливой улыбкой.

Или Фил пострашному меня ревнует, или он просто идиот в тяжелой стадии заболевания. Мне было стыдно за его слова и обвинения, и даже за то, что долгое время я считалась его женщиной. Сейчас я хотела как можно быстрее оказаться в душе и смыть с себя этот позор.

Валька приблизился к Филу и снова его ударил. Тот попытался ответить, и моему брату также досталось. Завязалась драка, силы были, примерно, равны. Филом двигала обида, Валькой — ненависть. Он умел ненавидеть, мне было это хорошо известно, поэтому смело поставила на него — он должен победить, тем более, это было в моих интересах.

На шум из комнаты выбежала мать, и, увидев, как ее кровиночку бьют, закричала, хватаясь за телефон.

— Мразь, а ну сейчас же отпусти моего сына! Я вызову Стражей, ты понял? По тебе тюрьма плачет, и ты там окажешься, выродок!

Не, ну красота! Просто блюз! Ругательства, оскорбления, склоки и драка. Боже, и все это спровоцировала я? Неужели...

Женщина решительно набрала номер, и Фил понял, что она не блефует.

Неимоверным усилием воли он вырвался из крепкого захвата моего брата и подскочил к

женщине. Вырвал из ее рук трубку и небрежно бросил на обувницу у стены.

— Стой, не надо, — проговорил он, тяжело дыша. — Я сам уйду.

Пьяным взглядом опустошенных глаз посмотрел на меня, заставив мои колени задрожать.

— Я любил тебя, — процедил он, сплевывая красную слюну прямо на пол, — а ты предала меня, с@ка. Клянусь, — он медленно сглотнул, давая мне время осознать важность момента и желая, чтобы он надежно отложился у меня в памяти, — ты пожалеешь, что так поступила. Ты за все ответишь.

Последние слова он произнес в сильной ярости, после чего выскочил за дверь. Валька не препятствовал ему.

— Валечка, да что же это такое! — запричитала мать. — Тебе больно? Я сейчас помогу тебе. Галка, неси скорее аптечку!

— Не надо! — резче, чем хотел, выкрикнул Валька. Он даже не взглянул на мать. Не сводя с меня взгляда, отослал ее в комнату. — Я сам разберусь, мама, слышишь? Иди, и ни о чем не волнуйся, — мягко закончил он.

Мы так и стояли в коридоре друг напротив друга и, если честно, я не могла произнести ни слова.

Меня шокировало грязное предположение Филадельфии, и удивил поступок Вальки. Фактически, брат

заступился за меня. Хотя... может, я все себе надумываю, и он просто защищал свою честь и жилище?

— Как ты? — хрипло спросил Валька, рукой утирая кровь с рассеченной брови.

Это он меня спрашивает? Да я в шоколаде по сравнению с ним! Может, умом повредился? Я не могла принять от него ни капли сочувствия, даже пусть он и заступился за меня. Столько лет ненависти и подлости не могли пройти за одно мгновение после одного участливого взгляда.

— Давай я вытру тебе кровь, — вдруг проговорила я и с ужасом поняла, что не смогу прикоснуться к его лицу. Что я делаю, зачем я это предложила? Вроде не меня по голове били.

— Давай, — устало согласился Валька и направился на кухню. Мне ничего не оставалось, как потащиться вслед за ним, ругая себя последними словами. Ну, не последними, конечно, в моем лексиконе есть вполне такая богатая коллекция ругательств, но сердилась я на себя очень.

Валька сел на стул, запрокинул голову и прикрыл глаза.

Ну что ж, назвался груздем — так теперь тебе самое место в кузове. Я нехотя протопала к шкафчику, достала вату и перекись водорода. Обильно смочила ватный тампон жидкостью и

приблизилась к брату.

— Будет больно, — зачем-то брякнула я.

— Пускай. Разве это боль, — вдруг заявил мой брат, доверившись моим рукам.

Непостижимый человек! Что он имеет в виду? А, черт с ним, я не хочу этого знать!

Я старалась как можно осторожней прикасаться к его разбитому лицу, и меняла тампон за тампоном. Валька терпеливо и мужественно переносил эту процедуру.

— Как ты с ним только жила, — проговорил вдруг он, не раскрывая глаз.

Моя рука дрогнула, но я ничего не ответила и продолжила свое дело.

Валька вдруг усмехнулся, вернее, попытался, и тут же поморщился, когда разбитые губы защипало. Он втянул воздух сквозь зубы, но долго молчать не собирался.

— Разве ты раньше не замечала, какой он? Или он был другим? — начал он мучить меня расспросами. Ему-то какое дело?

— Зеленкой мазать? — хмуро поинтересовалась я.

— С ума сошла что ли? Мне завтра на работу.

— Думаешь, может быть хуже, чем сейчас?

— Плевать, оставь так. Или йодом давай, что ли, прижги. Он до завтра сотрется.

— Йодом нельзя мазать лицо — он плохо

действует на кожу.

— Плевать, мажь, — велел Валька и мужественно стиснул зубы. — Только подуй, — добавил он и снова попытался улыбнуться, но у него опять не получилось.

Я молчала, радуясь, что мы ушли от неприятной темы, но Валька и не думал никуда уходить. Сидел себе на стуле и собирался дальше растревлять мне душу, смущая до покраснения.

— Так чем он тебя заинтересовал? Красавчик, да? Мускулы классные? Он хоть говорить связно умеет? Или, скажешь, стихи тебе читал?

— А мне можно читать стихи? — каким-то чужим голосом пробормотала я.

— Нужно, — уверенно кивнул Валька и поморщился, как только йод попал на открытую ссадину. Я послушно подула, краснея от глупости своих действий. Детский сад какой-то. Лучше бы его мать сделала это, уж она бы вложила в этот процесс максимум нежности и теплоты. Зачем он попросил сделать это своего врага?

— А может, ты из-за меня ушла к нему? — выдвинул версию Валька, и я выронила спичку с ваткой из рук. Она упала ему на светлые джинсы и оставила микроскопическое пятнышко.

А Валька даже глаз не раскрыл, только тихо засмеялся, и я увидела, как из потревоженной раны на губе засочилась кровь.

— Думала, раз он такой сильный и без царя в голове, сможет отомстить мне за тебя?

Нет, ну что он хочет услышать, а? Чего он добивается?

— Или я продолжаю тебя лечить, и ты молчишь, или я ухожу, и ты делаешь это сам. Впрочем, можешь позвать мать, — заявила я как можно строже.

Он хмыкнул, демонстрируя готовность подчиниться и замолчать, но как только я прикоснулась к его ранам, заговорил снова.

— Галка, я скоро женюсь.

Ну хоть что-то приятное и радостное за последние полчаса!

— Поздравляю, — искренне заявила я.

— Жить будем у нее, так что в этой квартире ты станешь безраздельной хозяйкой, — рисовал братец перед моим взором радужные перспективы.

— Как будто мне это надо, — усмехнулась я. — Все равно я надолго здесь не останусь.

— Что, нашла себе нового мачо? — Валька скривил губы. Он хотел усмехнуться, но было больно, и он снова зашипел.

— Еще не нашла, но ищу, — заявила я, напуская в голос побольше уверенности.

— Только сначала покажи его мне, — заявил мой странный братец, — для оценки качества. Похоже, если доверить это серьезное дело тебе, ты

опять подцепишь какого-нибудь урода с бицами и без мозгов.

— Ладно, супермозг, ты не лучше его, — обиделась я. — Он хоть в постели...

Блин, ну я дура. Нашла чем парня уязвить. Ну где мои мозги?

И точно, Валька взвился. Он мгновенно распахнул глаза, два страшных огненных омута, и вскочил со стула, на котором только что сидел тихой мышкой.

— Постель тебе нужна? Нимфоманка хренова! А на панель ты не думала пойти? Вот уж где траха ложкой ешь до упора! — заорал вдруг он.

— Совсем сдурел! — также закричала я.

На крик тут же прибежала мать, с тревогой глядя на сына, но Валька махнул ей рукой, мол уходи, сами разберемся.

— Вы только не поубивайте тут друг друга, — пробормотала расстроенная женщина, и снова ушла.

— Тебя вообще не касается, с кем и сколько я сплю, — прошипела я, злая донельзя. С остервенением я собирала грязные тампоны.

Он грубо схватил меня за плечи и придвинул к себе. Вздернув свой подбородок, сверху вниз смотрел на меня злыми глазами и молчал, лишь тяжело дышал.

— Да пошла ты, — процедил вдруг,

отталкивая меня.

В моих глазах закипали слезы. Почему все отправляют меня на панель? Я не шлюха, не развязная девка и никогда не прыгала в постель к первому встречному. Даже с Филом у меня был конфетно-букетный период, правда, длился он всего три дня. Ну да кто ж меня обвинит из тех, кто хоть раз смотрел в глаза этому жеребцу!

А Валька... разве ему не все равно? Сам же сказал, что скоро будет свадьба, так чего он ко мне лезет?

Вот честное слово, прямо не выходит из головы поганенькая мысль, что он на меня какие-то виды имеет. Вот правда, больше ни на что другое не могу подумать. И Фил про то же ляпнул. Неужели правда? Тогда он дурак — мы же родственники!

Черт, а Филя я, по ходу, задела, это точно. Уязвила. Он же вроде угрожал мне не так давно, что не позволит его бросить, а тут я взяла, да и ушла, так еще и в известность об этом не поставила заранее. Как там в анекдоте говорится? «Если девушка решила бросить тебя по собственному желанию, она обязана отработать две недели». А я без отработки рванула.

Я, конечно, чувствовала возмущение из-за такого грубого наезда мужчины, с которым не так давно делила кров и постель, но все во мне вдруг

всколыхнулось, и я сидела на кухне, смотрела в одну точку и понимала, что без Филя мне фигово.

Во что бы то ни стало мне необходимо задушить мою страсть к грубому неотесанному мужлану с таким прокачанным прессом... с такими литыми мускулами... а какие у него бицепсы, и вообще... Черт, блин, вот же дура! Такими темпами я долго буду его забывать, если прямо сейчас рисую картинку, которые при свете дня вгоняют в краску. Нет, не возродать я должна эти картины, а нещадно уничтожать. Кромсать, изводить и стирать в пыль. Я должна... убить в себе Филя... Но ведь не с Валькиной же помощью? Фу, конечно нет.

ГЛАВА 15. Крыша в пути

До утра я не сомкнула глаз. Сидела, поджав ноги, на своем стареньком диване и пялилась в окно, на ночные огни. Вот люди в домах напротив, как они живут? Тоже плачут и страдают? Их тоже предадут и обижают? Им также не хватает нежности, и они ощущают свое одиночество, или это только у меня так?

Да нет, конечно, я все понимаю. И фильмы, и книги, и песни, и сплетни в транспорте и на работе, все только об одном — о страданиях. Мы специально приходим в этот мир, чтобы мучиться. И нафига это надо? А вот в нормальном состоянии

ни в жизнь не согласишься покончить с этим одним махом. Нет, будешь цепляться за любую возможность задержаться здесь подольше. Как только где-то что-то кольнет, тут же побежишь к врачу, и будешь заботиться о своем тщедушном ну или тучном тельце изо всех сил, только чтобы продлить свое пребывание в этом диком мире страданий и мук. И почему так?

Но ведь ездят же по городу красивые девушки на дорогих тачках, и не всем им на голову выливают пересоленный борщ, и не всех таскают за волосы или принуждают к сексу со старыми уродами за хорошие деньги. Ведь есть же и счастливые! Есть те, кого любят. Кому дарят цветы без повода, и нежно гладят, когда ты заснула, и что-то шепчут на ушко, потому что не хотят с тобой расставаться даже ночью...

Есть ли на этой земле человек, которому я буду нужна? Не так, как Пчелке или Шашке, а только я и только ему... Причем, просто так, безусловно, вот просто потому что я такая, какая есть. И чтобы сердился, как только я заикнусь, что во мне надо что-то поменять, хоть внешнее, хоть сокровенное внутреннее...

Дурочка, какая же я дурочка.

И я то плакала, то улыбалась, стыдливо пряча лицо и утыкаясь в согнутые колени. И так всю ночь.

Но какая-то мечта уже зарождалась в моем

сердце, едва уловимо проявлялась внутри меня в виде непонятной и еле угадываемой субстанции. Я прямо ощущала это жжение. Ветер перемен, еще не ветер даже, а так, сквознячок, уже бегал по позвоночнику и холодил предощущением судьбоносных изменений.

По сути, итог моей жизни к двадцати девяти годам весьма плачевен. Нет работы, нет любви, мои дорогие друзья не могут уделять мне больше времени, потому что счастливы в своей личной жизни, а я — одна. Я просто одна. На земле, в этом городе, в моей никому не нужной жизни.

Нет, я не жалела себя этой ночью, не сетовала на судьбу и не причитала. Я просто наводила порядок в мыслях, производила инвентаризацию в душе, и это привело к неутешительным выводам: я никому здесь не нужна.

Но главное, что я для себя поняла — это волшебное слово «здесь». Прежде чем впасть в депрессию от таких выводов, я успела уцепиться за это слово. Если я не нужна *здесь*, возможно, есть такое место, где я могу оказаться очень даже востребованной!

Я почему-то сразу в это поверила, надо только найти такое место. И это не другая работа, не другая квартира и не другая семья. Это даже не другой возлюбленный.

Вскочив с неразобранного дивана, я

принялась ходить по комнате, испытывая сильное волнение. Будто кто-то подталкивал меня в спину и постоянно подначивал: «Ну!? Ну?! Ну давай уже, скажи это!»

И я сказала. Сказала самой себе. Вот остановилась перед окном, глядя на дом напротив, и сказала. В некоторых окнах свет так и горел всю ночь, в других давно погас и включился снова только сейчас, в шесть утра. Люди собирались на работу. Счастливые ли, убитые ли горем, одинокие или всем довольные, им надо спешить по делам, зарабатывать деньги, чтобы продолжать свою жизнь на земле мучений. Это я уже выяснила, что дальше?

А дальше сквозняк усилился, он уже не просто охлаждал мою спину, он буквально сбивал с ног, подталкивая к единственно верному решению. Мне оставалось только окончательно его принять без единого сомнения.

И постояв минут десять в эпицентре ураганного ветра, я его приняла!

Прозвенел будильник в комнате брата, я услышала его шаги в коридоре, и вскоре зашумела вода в ванной и электрочайник на кухне. Я не собиралась выходить к нему, чтобы пожелать доброго утра и приготовить завтрак. Вчерашняя сцена сильно смущала меня, и все, что сказали Фил и Валька, не укладывалось в голове.

Если есть на свете такая любовь, которая мучает и того, кто ее испытывает, и объект его воздыханий, то пошла она к черту! Моя мама, фактически, умерла от любви, которая не несла в себе светлого начала, и я не собираюсь идти той же дорогой.

Направление моего пути иное. Я понимала сейчас, что все, что когда-то связывало меня с жизнью в этих декорациях, в один миг, а вернее за одну эту ночь, превратилось в пыль. И поэтому сейчас мне казалось, что оставить все это позади не составит труда.

Единственное, что представляет для меня ценность здесь, помимо моих друзей, это могила мамы. И все. Больше ничего.

Разгоряченным лбом я плавила холодное оконное стекло, рассеянно наблюдая за работой дворника. Упирающихся малышей тащили в садик, понурые школьники брели сами. Вскоре я узнала походку Вальки. Быстро он собрался, а я так задумалась, что не слышала, как он хлопнул дверью и вышел.

Что ж, братец, прощай. Пожелаю тебе в спину удачи и покоя в сердце, с ним явно что-то не в порядке. Пусть же побыстрее найдется та, кто поймет, как с ним обращаться, чтобы не причинять ему боль. А твоя косточка в горле, то есть я, больше не будет мешать тебе.

Вот не зря все-таки я смотрела в небо и ждала оттуда чего-то. Сны-то оказались вещими, сейчас я понимала это четко и ясно. Я-таки притянула одно мудрое решение.

Прыгнув к старому письменному столу, принялась строчить прощальное письмо для матери.

На кухне меня дожидался свежесваренный чай и несколько бутербродов. Это для меня, что ли? Или Валька так делает, когда мать должна вернуться с ночной смены, и ко мне это не имеет никакого отношения?

В любом случае мне не хотелось есть, я была слишком возбуждена, чтобы проглотить хоть кусочек пищи, и пока дома никого не было, отправилась собираться.

Через час с неразобранными сумками, которые вместе с ногами день назад я унесла из квартиры Тамары Иосифовны и из жизни Филадельфия, я ехала в автобусе в сторону вокзала.

Да, да, да! Я решила покинуть этот город, где появилась на свет двадцать девять лет назад. Впереди у меня было, как минимум, примерно столько же, и провести их я захотела в более лучших условиях. У меня был план, он родился этой ночью.

Самое смешное в этом плане было то, что я понятия не имела, что мне с ним делать. В нем

значился только один пункт: «уехать!». А куда, зачем и к кому — сплошные пробелы и многоточия.

Понимая, что для отправки требуется какой-то транспорт, я направилась на железнодорожный вокзал.

Зал с билетными кассами встретил меня шумом. Гул голосов и шарканье сотен ног наполняло огромное помещение, где под сводами разносился отточенный и хорошо поставленный голос диктора.

Да уж, если тебе одиноко, если тишина достала тебя — езжай на вокзал, здесь скучать тебе не дадут. Тут даже собственных мыслей не услышишь.

Эйфория захватила меня с первого взгляда на многоликую разношерстную толпу. С блаженной улыбкой я бродила по залу, таща за собой тяжелые сумки, о которых практически забыла, окунувшись в этот особый мир. Сейчас все мои ощущения были направлены не во вне, а внутрь себя, где рождалось что-то сродни маленькому счастью.

Мысль, что я уеду, кружила голову, и было не важно, куда, лишь бы купить билет. Но чем больше я вчитывалась в расписание поездов, тем больше недоумевала: какой же выбор сделать?

И снова, как в последние дни, какая-то неведомая сила взялась за мое руководство и вывела меня на улицу, развернула лицом к

автобусной остановке и... улетучилась, оставив меня одну.

И это все? Я недоумевала. Типа, погуляла, и хватит, пора домой? Нет, так не пойдет!

Набычившись, я прожигала горящим взглядом свой автобус, на котором приехала сюда двадцать минут назад. Я словно внушала ему, что он меня не заполучит, и на моей остановке ноги моей больше не будет! Не будет и все!

Водитель отъехал со стоянки и подрулил к бордюру, позволив прибывшим в наш город пассажирам заполнить салон. Он словно дразнил меня, мол, залетай, места еще есть, а зазеваешься — будешь стоять, учти.

Я учла и отвернулась. Смешно, конечно же, но я понятия не имела что мне делать.

Ноги, не советуясь с головой, потащили меня на эту чертову остановку, но двигалась я медленно, через силу, и тянула время до последнего. Я была против этого продвижения, но никак не могла остановиться. Мой автобус уже уехал, пока я плелась нога за ногу, но особо радоваться не стоило, ведь подойдет другой, чтобы забрать блудную дочь домой.

Чтобы этого не произошло, я влетела в первый же подъехавший троллейбус. Что, получил? Сказала же: домой не вернусь!

Маршрут был мне знаком, и электротранспорт

быстро доvez до речного порта, где не так давно я играла в шпиона, прячущего в секретном сейфе важные документы.

Я резво слетела со ступенек, чтобы стремительно закрывающиеся двери не прищемили мне хвостик, и потопала на речной вокзал. А почему бы и нет? На железнодорожном я уже побывала, и ничего там не добилаь. Но если и здесь я ничего не предприму — это будет конец. В аэропорт я ни за что не отправлюсь: до жути боюсь высоты. Хотя, есть запасной вариант: автовокзал.

Что ж, посмотрим, что нас тут ждет. И я отважно направилась к зданию билетных касс.

На мое счастье навигация еще не закрылась, было самое начало сентября, и «Ракеты», «Зори» и «Метеоры» еще ходили вверх и вниз по Волге-матушке.

Что ж, путешествовать по воде — это даже интересней, чем по рельсам! С воодушевлением я подошла к свободной кассе. Здесь вообще не было такого ажиотажа, как на предыдущем вокзале.

— Здравствуйте, — бодро улыбнулась я женщине в окошке.

— Доброе утро, — вежливо ответила она мне, как того требовал этикет. — Куда желаете?

— Желая, а вот куда — не знаю, — сообщила я ей доверительно, смело выдержав взгляд, полный подозрения. Женщина должна увидеть, что я не

шучу и не собираюсь над ней поиздеваться.

Дама, окинув меня внимательным взглядом, заметила мои собранные сумки и серьезный настрой на поездку.

— Девушка, я не могу вам ничем помочь, — пожалала она плечами. — Если вы не знаете, куда вам нужно, я тем более этого не могу знать. Так куда вам надо? До какого города билет?

— А до каких есть?

— Девушка, вы шутница, конечно, как я погляжу, но у меня работа, и я не могу тут с вами развлекаться. Говорите, до какого города билет и отходите, или пропустите других.

Я оглянулась и тут же успокоилась: за мной никто не стоял, а значит, время на определение моей дальнейшей судьбы еще есть.

Я снова наклонилась к окошку кассы.

— Понимаете, мне надо уехать из этого города, срочно, чтобы меня не догнали. Понимаете? — на ходу начала сочинять я, при этом говоря чистейшую правду. А уж где она чистая, а где взвесь фантазии, не суть важно. — Мне надо уехать, чтобы успокоиться и определиться с дальнейшей жизнью. В какой-нибудь миленький городок. Пусть он будет небольшим, но обязательно тихим и мирным, понимаете?

Я заметила, что говорю слова, определяющие мой план, мое видение и мои желания. Их контуры,

до этого едва угадывающиеся, становились четкими прямо у меня на глазах.

— Девушка... — неуверенно протянула кассир.

— Просто хороший городок, где можно пожить и привести в порядок свои мысли, чтобы понять, как жить дальше, — я честно смотрела ей в глаза. Мне нечего было скрывать, я была искренна, как никогда и ни с кем.

Женщина долго молчала, барабаня пальцами по столу, затем уткнулась в свои талмуды с расписанием. Я ждала, затаив дыхание. Сейчас решится моя судьба, и решит ее эта добрая фея, на полставки работающая кассиром билетных касс. Она буквально продает билеты в счастье.

— Ну вот до Плишмы рейс есть... — неуверенно проговорила фея. — Красивый, зеленый городок на берегу Волги, — да ей туроператором работать надо, а не скучать тут за стеклом. — Какое население там сказать не могу, какая инфраструктура — тоже, — она усмехнулась. — Сами могли накануне изучить подробнее, раз решились уехать, но...

— Давайте, мне нравится, Плишма, звучит отлично, — выдохнула я, обрадовавшись, что наконец-то что-то определилось в моей судьбе и получило свое название.

Через минуту я держала в руках розовый

листок — пропуск в свою новую жизнь — и совершенно ошеломленная, с каким-то звоном в пустой голове, шагала на восьмой причал, чтобы отправиться туда, куда толкала меня неведомая космическая сила.

До отправления оставалось полчаса, и я позволила себе сладкий пирожок, чтобы, держа его в зубах и постоянно облизывая сладкие пальцы, настроить Шашке смс и сообщить, что я больше не живу в этом городе.

ГЛАВА 16. «Из варяг в греки»

По громыхающим сходням я поднялась на «Метеор» как на космический корабль, с уверенностью, что в моей жизни что-то меняется абсолютно бесповоротно. Причем, я даже не рассматривала такой вариант, как «не получится — вернусь обратно». В данный момент я была уверена, что прощаюсь с землей моего детства навсегда.

Понимание, что сейчас горят все мосты, накрыло меня, и я чувствовала, как нити, связывающие меня с этим городом и людьми, еще вчера имеющими для меня значение, рвались прямо в эту минуту, под тихий плеск волн, ласкающих борт теплохода.

С бьющимся сердцем я прошла в носовой

отсек и заняла место у окна в просторном салоне с удобными креслами. Уютненько. Интересно, а красивые атлетического сложения официанты здесь имеются? Пожалуй, я сделала бы заказик, ага.

Сунув сумки под кресло, насколько они смогли там уместиться, я уткнулась в большое окно, рассматривая противоположный берег. Самое время всплакнуть, прощаясь с родными местами.

Так, главное, выключить телефон, чтобы никто не отвлек и не сбил с лирического настроения. Но грустила я ровно столько, сколько времени понадобилось парням из театрального училища занять места в моем отсеке, заполнив его собой, своими вещами и шумом.

В моем ряду все пять кресел оказались мгновенно заняты, как и впереди, и позади. Короче, внушительная часть нашего отсека, изумительное милое место, носом разрезающее набегающую волну, оказалось забито, и уже слышалось бречание убираемых гитар, шутки и вспышки смеха то тут, то там.

Как только мы отчалили, мое сердце подпрыгнуло в волнении от серьезности момента, и слезы выступили на глазах, от чего я принялась отчаянно их смаргивать, заставляя себя улыбаться. Ну вот и все. Решение принято, дело сделано, и назад пути нет. Что ждет меня впереди — не понятно, вокруг только вода и неизвестность,